

Сьюзен Элизабет
ФИЛЛИПС

Любовь тебя настигнет

Путешествие к настоящей любви!

Американские леди

Сьюзен Филлипс

Любовь тебя настигнет

«АСТ»

2012

Филлипс С. Э.

Любовь тебя настигнет / С. Э. Филлипс — «АСТ»,
2012 — (Американские леди)

Рассудительная, «правильная» красавица Люси шокировала всю семью, сбежав прямо из-под венца от жениха, по общему мнению, просто идеального. Более того, девушку увез на своем мотоцикле какой-то незнакомец! Но кто он, этот таинственный молчаливый байкер, мужественный и суровый? Почему ничего не рассказывает о себе? Люси изнывает от любопытства. Так начинается путешествие, полное самых невероятных приключений, путешествие к настоящей, страстной любви!..

© Филлипс С. Э., 2012

© АСТ, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	40
Глава 6	47
Глава 7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Сьюзен Элизабет Филлипс

Любовь тебя настигнет

© Susan Elizabeth Philips, 2012

© Перевод. Е.И. Филиппова, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

«Первая леди»

Глава 1

Люси не могла дышать. Корсет свадебного платья, которое сидело на ней как влитое, сдавливал ребра, как гигантский питон. Что, если она умрет от удушья прямо здесь, в притворе пресвитерианской церкви Уайнета?

Снаружи церковь осаждала целая армия репортеров из самых разных стран, а у алтаря собрались сильные мира сего. В паре шагов экс-президент Соединенных Штатов с супругой ждали, когда смогут отвести Люси к алтарю и выдать замуж за самого прекрасного мужчину на свете. Мужчину, о котором можно только мечтать. Самого доброго, самого заботливого, самого умного... Какая женщина в здравом уме отказалась бы от Теда Бодина? Он поразил Люси с первого взгляда.

Трубы возвестили о начале церемонии, и Люси попыталась втянуть в себя хоть пару молекул воздуха. Более чудесного дня для свадьбы и представить было нельзя. Стояла последняя неделя мая. Полевые цветы, которые росли весной в центральной части Техаса, быть может, уже и завяли, зато персидская сирень благоухала во всем своем великолепии, а у входа в церковь распустились розы. Просто идеальный день.

Ее тринадцатилетняя сестра, самая младшая из четырех подружек невесты, сделала первый шаг. За ней должна была идти пятнадцатилетняя Шарлотт, а потом Мег Коранда, лучшая подруга Люси со времен колледжа. Первой подружкой невесты была ее сестра Трейси, привлекательная восемнадцатилетняя девушка, которая так благоговела перед женихом Люси, что по-прежнему краснела, разговаривая с ним.

Перед лицом Люси затрепетала фата – удушающий покров из белой вуали. Она подумала о том, каким невероятным любовником был Тед, каким замечательным, каким добрым, каким потрясающим. Как идеально он подходил ей. Все так говорили.

Все, кроме ее лучшей подруги Мег.

Прошедшей ночью после репетиции свадьбы она обняла Люси и прошептала.

– Он чудесный, Люси. Все, как ты и говорила. Но тебе нельзя выходить за него замуж.

– Я знаю. – Люси удивилась, услышав собственный шепот. – Но я все равно это сделаю.

Теперь уже слишком поздно давать задний ход.

Мег яростно тряхнула ее:

– Не поздно. Я тебе помогу. Я сделаю все, что в моих силах.

Ей легко говорить. В жизни подруги отсутствовала всякая дисциплина, но Люси в корне от нее отличалась. У Люси были обязанности, которые Мег не могла постичь. Даже до того как мать Люси принесла президентскую присягу, вся страна заворуженно наблюдала за огромной семьей Джориков – трое приемных детей и двое родных. Родители отчаянно оберегали младших детей от журналистов, но Люси было уже двадцать два ко времени первой инаугурации Нили, так что именно она стала объектом пристального внимания прессы. Публика всегда с интересом наблюдала за тем, как самоотверженно Люси заботилась о домочадцах и ухаживала за малышами во время частых командировок Нили и Мэтта. Следили и за ее деятельностью по защите прав детей, редкими романами и скромными нарядами. И папарацци уж точно не собирались пропустить ее свадьбу.

Люси намеревалась сойтись с родителями на середине пути к алтарю в знак того, что они вошли в ее жизнь, когда она была воинствующим четырнадцатилетним подростком, капризным и неуправляемым. Нили и Мэтт должны были сделать эти последние шаги вместе с ней, поддерживая ее с обеих сторон.

Шарлотт ступила на белую ковровую дорожку. Она была самой застенчивой из сестер Люси и сильнее других переживала, что старшей сестры больше не будет рядом. «Мы можем

болтать по телефону хоть каждый день», – успокаивала ее Люси. Но Шарлотт привыкла, что Люси живет в соседней комнате, и утверждала, что это далеко не то же самое.

Настал черед Мег. Она бросила через плечо взгляд на Люси, и даже через несколько слоев вуали Люси разглядела за улыбкой Мег глубокое волнение. Люси отчаянно хотела оказаться на ее месте. Жить беззаботной жизнью Мег, переезжая из одного штата в другой, и не думать о необходимости приглядывать за сестрами, поддерживать репутацию семьи и отбиваться от назойливых папарацци, следящих за каждым ее движением.

Мег отвернулась, прижала букет к талии, изобразила улыбку. И приготовилась сделать первый шаг.

Не думая, не спрашивая себя, откуда могла взяться такая мысль – мысль столь ужасная, эгоистичная, невероятная, – Люси попыталась сдержать обуявший ее порыв, но вдруг уронила букет и, спотыкаясь, обогнула сестру и схватила Мег за руку, прежде чем та успела пройти вперед. Люси услышала собственный голос словно издалека, слова звучали еле слышно.

– Мне немедленно нужно поговорить с Тедом.

Трейси ахнула у нее за спиной:

– Люси, что ты делаешь?

Люси не могла смотреть на сестру. Ее тело горело, в голове царил хаос. Она вцепилась в руку подруги.

– Приведи его ко мне, Мег. Пожалуйста.

Ее просьба звучала, как мольба.

Сквозь удушающее облако фаты она увидела, как губы Мег разомкнулись в изумлении.

– Сейчас? Тебе не кажется, что это следовало сделать пару часов назад?

– Ты была права! – вскричала Люси. – Во всем. Абсолютно права. Помоги мне. Пожалуйста. – Ей казалось, будто кто-то заставляет ее произносить эти слова. Это ведь она всегда заботилась о других. Даже в детстве она никогда не просила о помощи.

Трейси набросилась на Мег, ее глаза сверкали от возмущения.

– Я не понимаю. Что ты ей сказала? – Она схватила Люси за руку. – Люси, у тебя приступ паники. Все будет хорошо.

Не будет. Ни сейчас, никогда.

– Нет. Мне... мне надо поговорить с Тедом.

– Сейчас? – повторила Трейси вопрос Мег. – Тебе нельзя говорить с ним сейчас.

Но ей это было необходимо. Озабоченно кивнув, Мег положила букет на прежнее место и рванула вперед по коридору на его поиски.

Люси не понимала, почему ее охватила истерика. Она не смела взглянуть в испуганные глаза сестры. Каллы из ее букета распластались под ее каблуками-шпильками, но она продолжала слепо идти вперед. Два агента секретной службы стояли у тяжелых входных дверей, внимательно наблюдая за ней. Прямо за ними ждала толпа зрителей: море камер, орды репортеров.

«Сегодня старшая дочь президента Корнилии Кейс Джорик, тридцатидесятилетняя Люси Джорик выходит замуж за Теда Бодина, единственного сына легендарного гольфиста Далласа Бодина и телевизионного диктора Франчески Бодин. Никто не ожидал, что невеста выберет для свадьбы родной городок жениха – Уайнет в штате Техас, но...»

Она услышала уверенные мужские шаги и, повернувшись, увидела Теда, который мчался к ней. Сквозь фату она видела, как лучи солнца играют на темно-каштановых волосах, освещая красивое лицо. Так было всегда. Где бы он ни появлялся, солнце следовало за ним. Он был привлекателен и добр – идеал мужчины. Самый прекрасный мужчина, которого она когда-либо встречала. Самый прекрасный зять, которого можно пожелать ее родителям, и самый лучший отец для ее будущих детей. Он бросился к ней, в глазах светилась не злость – не такой он был человек, – а озабоченность.

Ее родители следовали за ним, их лица сковала тревога. Его мать и отец должны были подоспеть с минуты на минуту, а за ними вереницей потянутся все остальные: ее сестры и брат, друзья Теда, гости... Столько людей, которые были ей дороги. Которых она любила.

Она лихорадочно озиралась в поисках единственного человека, который мог ей помочь.

Мег стояла рядом, мертвой хваткой вцепившись в букет невесты. Люси посмотрела на нее с мольбой, надеясь, что Мег поймет, чего она хочет. Мег хотела броситься к ней, потом остановилась. Она все поняла.

Тед поймал Люси за руку и потянул ее в маленькую боковую кладовую. Прежде чем он успел закрыть дверь, Люси увидела, как Мег глубоко вдохнула и, полная решимости, направилась к родителям Люси. Подруга умела разбираться со сложными ситуациями.

Стены кладовой были сплошь покрыты крючками, на которых висели голубые сутаны певчих, и высокими полками, заставленными сборниками церковных гимнов, папками с нотами и древними картонными коробками. Сильный луч солнца проник сквозь пыльные стекла двери и, как ни странно, осветил щеку Теда. Ее легкие сжались. От недостатка воздуха закружилась голова.

Тед невозмутимо взирал на нее своими янтарными глазами, в которых читалась некая настороженность, однако по силе его спокойствие можно было сравнить только с ее волнением. Пожалуйста, пусть он исправит это, как и все остальное. Пусть он исправит ее.

Фата прилипла к ее щеке, пропитавшись или потом, или слезами (она точно не знала), и слова, которые, как она думала, никогда не произнесет, вырвались из ее уст:

– Тед, я не могу. Я... я не могу.

Она подняла фату, как и представляла. Только Люси представляла, что именно он поднимет ее фату в конце церемонии перед поцелуем. У него был озадаченный вид.

– Я не понимаю.

Да она и сама не понимала. Такой дикой паники она никогда не испытывала.

Он склонил голову набок и посмотрел ей в глаза.

– Люси, мы идеально подходим друг другу.

– Да. Идеально... Я знаю.

Он ждал. Она не думала о том, что скажет дальше. Если бы она только могла вздохнуть. Она заставила себя заговорить.

– Я знаю, так и есть. Мы идеально подходим друг другу. Но... Я не могу.

Она ждала, что Тэд возразит ей. Будет бороться за нее. Убедит, что она не права. Она ждала, что он обнимет ее и скажет, что это всего лишь приступ паники. Но выражение его лица не изменилось, лишь уголки губ едва заметно дрогнули.

– Твоя подруга Мег, – произнес он. – Это все из-за нее, правда?

Правда? Сотворила бы она что-то столь же невообразимое, если бы Мег не заявила к ней со своей любовью, беспокойством и резкими суждениями?

– Я не могу.

Ее пальцы сковал лед, а руки дрожали, пока она пыталась снять кольцо с бриллиантом. Наконец оно поддалось. Она чуть не уронила украшение, вкладывая его в карман жениху.

Он не препятствовал, когда она срывала фату. Не умолял. Да он и не знал, как это делается. Но даже не попытался заставить ее передумать.

– Что ж, ладно...

Быстро кивнув, повернулся и ушел. Спокойный. Собранный. Идеальный.

Как только за ним закрылась дверь, Люси прижала руки к животу. Его нужно вернуть. Побегать за ним и сказать, что она передумала. Но ноги отказывались слушаться; мозг не работал.

Дверная ручка повернулась – в проеме стоял ее отец, за ним – мать, оба были страшно бледны и дрожали от напряжения. Они сделали для нее все, и брак с Тедом был бы лучшей

благодарностью с ее стороны. Она не могла так унижить их. Необходимо разыскать Теда и привести его обратно.

– Не сейчас, – прошептала она, недоумевая, что бы это значило. Она понимала: ей нужен лишь миг, чтобы собраться и вспомнить, кто она такая.

Мэтт заколебался и захлопнул дверь.

Мир Люси рухнул в одно мгновение. Еще до наступления вечера весь мир узнает, что она бросила Теда Бодина. Это было невыносимо.

Море телекамер... Орды репортеров. Она никогда не выберется из этой маленькой душевной комнатки. Она проведет остаток жизни здесь, в окружении сборников церковных гимнов и сутан певчих, искупая свою вину за то, что причинила боль лучшему мужчине, которого когда-либо знала, за то, что унизила собственную семью.

Фата прилипла к губам. Она вцепилась в диадему и с радостью ощутила боль, когда гребни и шпильки со стразами впились в голову. Она сходила с ума. Неблагодарная. Она заслужила боль и с силой выдернула украшение из волос. Фата, свадебное платье... Она трясущимися руками растянула молнию, и груды белого атласа, пузырясь, легла у ее ног. Она так и стояла в изысканном французском бюстгальтере, кружевных свадебных трусиках, голубых подвязках и белых атласных туфлях на шпильках, отчаянно пытаясь глотнуть воздуха.

«Беги! – звенело в ее голове. – Беги!»

Она услышала, как гомон толпы снаружи на мгновение усилился, а потом снова затих, как будто кто-то открыл двери церкви, а потом быстро закрыл их.

«Беги!»

Она ухватила за одну из темно-синих сутан певчих. Сдернув ее с крючка, Люси протиснула в горловину свою растрепанную голову. Прохладная затхлая сутана обняла ее тело, прикрыв французский бюстгальтер и крошечные трусики. Она, спотыкаясь, пробралась к маленькой двери в конце помещения. За пыльным окном увидела узкую, поросшую сорняками тропинку, скрытую за стеной из бетонных блоков. Руки не слушались, и сначала замок не поддавался, но наконец удалось его открыть.

Тропинка вела к задней части церкви. Шпильки проваливались в растрескавшийся асфальт, пока она кралась мимо внешнего блока кондиционера. Весенние грозы сдули весь мусор на гравий сбоку от самой тропинки: расплюснутые коробочки из-под сока, куски газет, поцарапанный желтый совок из детской песочницы. Она остановилась, когда добралась до конца. Повсюду дежурила охрана, и она недоумевала, что делать дальше.

Она лишилась собственного наряда секретной службы пару месяцев назад, когда закончился первый год после отставки ее матери. Но сотрудники службы до сих пор охраняли Нили, а поскольку они с матерью так часто бывали вместе, то Люси едва ли заметила отсутствие собственного наряда. Тед нанял частную охранную фирму для обеспечения безопасности, ведь в городе было мало полицейских. У всех дверей стояли охранники. Парковка в форме буквы L была уставлена автомобилями. Повсюду кишели люди.

Ее домом был Вашингтон, а не этот городок в центральном Техасе, который она так и не смогла полюбить. Но она помнила, что церковь находится на границе старого жилого района. Если у нее хватит сил пересечь аллею и добраться до домов на другой стороне, то, возможно, удастся скрыться в одном из переулков и никто ее не заметит.

И что потом? Это же не такой тщательно спланированный побег, как тот, что устроила Нили, когда спасалась из Белого дома еще тогда, давно? Это вообще не был побег. Это был перерыв. Отсрочка. Ей нужно было найти место, где можно было бы перевести дух, собраться с мыслями. Пустой домик для игр на детской площадке. Уютный уголок у кого-то на заднем дворе. Какое-то место вдали от суетливых журналистов, преданного жениха и потрясенной семьи. Временное убежище, где она сможет вспомнить, кто она и как много должна людям, которые взяли ее к себе.

О Боже, что она натворила!

Какой-то шум у церкви привлек внимание охраны. Люси не стала выяснять, что происходит. Вместо этого обогнула стену, стремглав побежала по аллее и спряталась за мусорным баком. У нее так сильно тряслись колени, что пришлось прижаться к ржавой стенке металлического контейнера. Он источал зловоние. Встревоженных криков не слышалось, в отдалении лишь гудела толпа зрителей, которые заняли все трибуны, возведенные вокруг церкви.

Она услышала слабый вскрик, похожий на мяуканье котенка, и поняла, что он исходит из ее уст. Она заставила себя пробраться через кустарник, отделявший старую постройку в викторианском стиле. Кусты заканчивались с началом улицы, вымощенной булыжником. Она пробежала по ней и очутилась на чьем-то заднем дворе.

Старые деревья отбрасывали тень на маленькие участки земли, а отдельно стоящие гаражи выходили в узкие переулки. Она плотнее запахнула сутану, на ощупь пробираясь из одного двора в другой. Каблуки утопали в земле свежесажённых огородов, где с крепких стеблей свисали зеленые помидоры размером с шарик для игры в марблс. Из одного кухонного окна пахло тушеным мясом, от другого ветер принес шум телевизора, по которому показывали какую-то телеигру. Вскоре по этому же телевизору покажут репортаж о безответственной дочери бывшего президента Корнилии Кейс Джорик. Всего за один день тридцатиоднолетняя Люси перечеркнула семнадцать лет хорошего поведения. Все те семнадцать лет, которые она доказывала Мэтту и Нили, что они не ошиблись, когда решили ее удочерить. А что касается того, как она поступила с Тедом... Худшего и придумать нельзя.

Залаяла собака, и заплакал ребенок. Она споткнулась о садовый шланг. Срезала дорогу, прокраившись за качелями. Лай собаки становился громче: лохматая нечесаная дворняжка сторожила проволочный забор, окружавший следующий двор. Она попятилась, обогнув статую Девы Марии, и продвинулась ближе к переулку. В мыски туфель набились камешки.

Она услышала рев мотора и выпрямилась. Видавший виды бело-серебряный мотоцикл завернул в переулок. Она нырнула вглубь меж двух гаражей, прижавшись спиной к стене, покрытой отслаивающейся белой краской. Мотоциклист притормозил. Она затаила дыхание, ожидая, пока он проедет дальше. Но он не проехал. Вместо этого он приблизился и остановился перед ней.

Мотоциклист уставился в щель между гаражами прямо туда, где стояла она.

Он приглушил двигатель и принялся внимательно ее разглядывать. Одну ногу, обутую в черный сапог, опустил на гравий.

– Что-то случилось? – поинтересовался он, стараясь перекричать шум мотора.

«Случилось»! Она уничтожила своего будущего супруга, убила свою семью, и если срочно не предпримет что-нибудь, то станет самой скандальной сбежавшей невестой за всю историю страны, а этот парень спрашивал, что случилось.

У него были чересчур длинные черные волосы, которые завивались на шее, холодные голубые глаза, высокие скулы и губы садиста. После стольких лет жизни под охраной секретной службы она привыкла считать, что априори находится в безопасности, но сейчас у нее не было такого ощущения. И даже тот факт, что байкер вроде бы присутствовал в качестве гостя на вчерашней репетиции свадебного приема в числе странных друзей Теда, не особенно вдохновлял ее. Даже наполовину отмытый, в темном костюме, сидевшем на нем не лучшим образом, мятой белой рубашке с расстегнутым воротом и мотоциклетных сапогах, небрежно протертых тряпкой, он явно не был тем человеком, которого она хотела бы повстречать на улице. А именно там она и находилась.

У него был прямой нос. Мятый галстук выглядывал из кармана плохо сидевшего пиджака. А эти длинные взъерошенные волосы, кудрявые и спутанные, напоминали ночное небо Ван Гога, нарисованное пальцем, который обмакнули в пузырек с липкими черными чернилами.

Больше десяти лет со времен первой президентской кампании Нили она пыталась говорить правильно, поступать правильно, всегда улыбалась, была неизменно вежлива. Теперь же она, дама искусно владевшая навыками ведения светских бесед, не могла придумать, что сказать. Вместо этого она ощутила непреодолимое желание ухмыльнуться и выпалить: «С тобой что-то случилось?» Но разумеется, она этого не сделала.

Он кивнул на свой мотоцикл:

– Хочешь прокатиться?

Шок сковал ее тело, от вен до самых мелких капилляров, пронзив кожу и мышцы и добравшись до костей. Она дрожала, но не от холода, а от осознания того, что хотела сесть на этот мотоцикл больше, чем чего бы то ни было за очень долгое время. Вскочить на этот мотоцикл и бежать, чтобы не отвечать за последствия своего поступка.

Он заткнул галстук подальше в карман пиджака, и Люси двинулась к нему. Она чувствовала себя так, будто ноги существуют отдельно от ее тела. Она пыталась остановиться, но они отказывались слушаться. Она приблизилась к мотоциклу и увидела потертый номерной знак штата Техас и потрепанную наклейку на бампере, которая закрывала часть изношенного кожаного сиденья. Буквы уже выцвели, но различить слова удалось.

«БЕНЗИН, ТРАВА ИЛИ ЗАДНИЦА.
НИКТО НЕ ПОЕДЕТ БЕСПЛАТНО».

Прочитав надпись, она содрогнулась. Такое предупреждение не проигнорируешь. Но тело, ее коварное тело, решило все за нее. Рука подняла сутану. Нога оторвалась от земли. Она опустила на сиденье. Он подал ей единственный шлем. Она надела его, испортив и без того измученную свадебную прическу, и обвила руками его талию.

Они помчались по аллее, ее сутана трепетала и пузырилась, голые ноги холодели, его волосы развевались на ветру, касаясь ее шлема.

Она подоткнула сутану под ноги, пока он пересекал один переулок за другим, потом резко свернул направо, потом еще раз, под дешевой тканью пиджака мускулы на его спине напрягались.

Они выехали из Уайнета и полетели по двухполосному скоростному шоссе, которое растянулось вдоль скалистого утеса. Шлем был ее коконом, мотоцикл – ее планетой. Они миновали цветущие лавандовые поля, фабрику, где производили оливковое масло, и несколько виноградников, которые были разбросаны по всему Хилл-Кантри. Ветер рвал ее сутану, обнажая колени и бедра.

Солнце опустилось ниже, и усиливающийся холод проник сквозь тонкую ткань сутаны. Люси радовалась ему. Она не заслуживала того, чтобы сидеть в тепле и удобстве.

Они пронеслись по деревянному мосту мимо обветшалого сарая с техасским флагом сбоку. Мимо мелькала реклама экскурсий по пещерам и ранчо для туристов. Они преодолевали одну милю за другой. Двадцать? Больше? Она понятия не имела.

Когда они добрались до какого-то маленького городишка, он свернул к полуразвалившемуся ночному магазину и припарковался в тени сбоку от здания. Он кивнул ей, обозначив, что пора слезать. Она запуталась в сутане и чуть не упала.

– Проголодалась?

От одной мысли о еде ее едва не стошнило. Она попыталась расслабить ноги и покачала головой. Он пожал плечами и направился к двери.

Через пыльное стекло шлема Люси увидела, что он выше, чем она думала: рост его был около шести футов. У него скорее были длинные ноги, чем торс. Этими дикими сине-черными волосами, оливковой кожей и пружинящей походкой он разительно отличался от конгрессменов, сенаторов и промышленников-магнатов, с которыми она сталкивалась всю свою жизнь. Через окно она заглянула внутрь магазина. Он направился к холодильнику. Продащица, бро-

сив все дела, устала на него. Он исчез на пару минут, потом появился снова и поставил на прилавок упаковку с шестью бутылками пива. Продавщица принялась теребить волосы, откровенно кокетничая. Он принес на кассу еще пару покупок.

Люси натерла ноги до мозолей. Переминаясь с ноги на ногу, она увидела свое отражение в окне. Огромный голубой шлем поглотил ее голову, скрыв лицо, благодаря чему она казалась моложе. Сутана скрывала ее излишнюю худобу – из-за предсвадебного стресса она сильно потеряла в весе, хотя всегда была стройной. Ей был тридцать один год, рост составлял пять футов четыре дюйма, но она чувствовала себя крошечным, глупым, эгоистичным и безответственным беспризорным ребенком.

И хотя вокруг не было ни души, Люси не стала снимать шлем, а лишь приподняла, пытаясь хоть немного унять боль, которую причиняли шпильки, впивавшиеся в голову. Обычно она ходила с распущенными волосами, постриженными до плеч, и украшала прическу одним из тех узких ободков, которые так презирала Мег.

«Они заставляют тебя наряжаться, как пятидесятилетняя светская львица из Гринвича, – заявляла Мег. – Только джинсы могут хоть как-то компенсировать пафос этого дурацкого жемчуга. Избавься от этого своего школьного гардероба. – Потом она смягчалась. – Ты ведь не Нили, Люси. Она этого от тебя и не требует».

Мег не могла ее понять. Она выросла в Лос-Анджелесе с родителями, которые дали ей жизнь. Она могла носить любую нестандартную одежду, которую только хотела, вешать на шею экзотические украшения и даже вытатуировать на бедре дракона. Она могла, но только не Люси.

Дверь магазина открылась, и появился байкер: в одной руке он нес пакет с продуктами, в другой – пиво. Она с тревогой наблюдала за ним, пока он медленно раскладывал покупки по потертым боковым сумкам мотоцикла. Представив, как он выпьет пиво, все шесть бутылок, она поняла, что так продолжаться не может. Ей нужно кому-то позвонить. Она позвонит Мег.

Но ей не хватало смелости честно поговорить с кем бы то ни было, даже с подругой, которая понимала ее лучше, чем все остальные. Она сообщит семье, что все в порядке. Скоро. Но... не сейчас. Не раньше, чем придумает, что сказать.

Она стояла у мотоцикла, как огромный пришелец с голубой головой. Он пристально посмотрел на нее, и Люси поняла, что до сих пор ни одного слова ему не сказала. Как неловко. Нужно что-то сказать.

– Откуда ты знаешь Теда?

Он повернулся и закрыл замки на боковых сумках. У него была старая «ямаха», на черном бензобаке сзади красовалось слово «ВОИН», написанное серебряной краской.

– Мы вместе сидели в Хантсвилле, – ответил он. – Вооруженный грабёж и убийство.

Он издевался над ней. Эдакая байкерская проверка на прочность. Она, должно быть, сошла с ума, если позволит этому продолжаться. Но в конце концов она, похоже, и так сошла с ума. И самым дурным образом. Как человек, который вылез из собственной кожи и не знает, как забраться обратно.

Его затуманенный взор, в котором читалась угроза, упал на нее.

– Готова к тому, чтобы я отвез тебя обратно?

Единственное, что ей нужно было сказать, – «да». Одно простое слово. Она прижала язык к небу. Подготовилась. Попыталась произнести его.

– Пока – нет.

Он нахмурился:

– Ты уверена, что понимаешь, что делаешь?

Ответ на этот вопрос был так очевиден, что даже он мог догадаться. Когда Люси не ответила, он пожал плечами и залез обратно на свое место.

Когда они выезжали с парковки, она задумалась, почему больше боится разговора с родственниками, которых так любила, чем общества этого угрожающего вида байкера. Но ведь этому человеку она ничего не была должна. Худшее, что он мог сделать.... Она не хотела думать об этом.

И снова ветер подхватил ее сутану. Лишь руки оставались теплыми, согреваясь жаром, исходившим от его тела под тонким пиджаком. Наконец он свернул с шоссе на изрезанную следами тропинку. В свете фар мотоцикла кусты принимали зловещий вид, и Люси сильнее прижалась к нему, хотя разум призывал ее прыгнуть и припустить прочь со всех ног. Наконец они добрались до маленькой лужайки на берегу реки. По указателю, который видела раньше, она догадалась, что это река Педернейлс. Идеальное место для того, чтобы избавиться от трупа.

Теперь, когда он заглушил мотор, тишина казалась удушающей. Она слезла с мотоцикла и попятилась. Он вытащил из одной сумки нечто напоминавшее старое одеяло для пикника. Когда он бросил это на землю, она уловила слабый запах машинного масла. Он схватил пиво и пакет с продуктами.

– Ты будешь весь вечер в этом ходить?

Люси ни за что не хотела снимать шлем, но ей пришлось это сделать. Шпильки выпали, и налаченная прядь уткнулась ей в щеку. В тишине слышался шум реки, чьи воды бились о скалы. Он поднял бутылку с пивом, наставив горлышко на нее.

– Жаль, что здесь всего шесть штук.

Она изобразила улыбку. Он расстелил одеяло, открыл бутылку и поднес ко рту. Он друг Теда, не так ли? Поэтому он не может представлять угрозу, несмотря на жуткий вид, грубые манеры, несмотря на пиво и потрепанную наклейку на бампере «БЕНЗИН, ТРАВА ИЛИ ЗАДНИЦА. НИКТО НЕ ПОЕДЕТ БЕСПЛАТНО».

– Угощайся, – предложил он. – Может, это поможет тебе расслабиться.

Она не желала расслабляться, и ей хотелось в туалет, но она все равно приковыляла к нему и забрала бутылку, чтоб он не выпил ее сам. Она выбрала место на дальнем углу одеяла так, чтобы сесть, не касаясь его длинных ног и не вторгаясь в его личное пространство, которое ее пугало. Сейчас она должна была бы пить шампанское в номере для молодоженов в отеле «Фор Сизонс» в Остине в качестве миссис Теодор Бодин.

Байкер достал пару завернутых в целлофан сэндвичей из пакета с продуктами. Он бросил один из них ей и развернул другой.

– Жаль, что ты не дождалась грандиозного свадебного ужина, чтобы его бросить. Там меню намного лучше.

Парфе из крабового мяса, запеченная на гриле говяжья вырезка с лавандой, медальоны из лобстера, ризотто с белыми трюфелями, семиярусный свадебный торт.

– А если серьезно... Откуда ты знаешь Теда? – спросила Люси.

Он оторвал большой кусок сэндвича и заговорил, продолжая жевать.

– Мы познакомились пару лет назад, когда я работал на стройке в Уайнете, и подружился.

– Тед дружит со множеством людей.

– Но не все его друзья такие хорошие, как он. – Байкер вытер рот тыльной стороной ладони и шумно отхлебнул пива.

Она оставила в сторону бутылку, к которой так и не притронулась.

– Так ты не отсюда?

– Не-а. – Он скатал обертку от сэндвича в шарик и швырнул в кусты.

Она терпеть не могла людей, которые мусорили, но не собиралась об этом говорить. Поглощение сэндвича его занимало всецело, и больше он ничего не выдал.

Она больше не могла откладывать поход в лес. Он взяла салфетку из пакета и, морщась с каждым шагом, удалилась в заросли. Закончив, вернулась и села на одеяло. Он хлебнул еще пива. Она не могла заставить себя проглотить ни кусочка и отложила сэндвич в сторону.

– Почему ты подобрал меня?

– Я хотел потрахаться.

У Люси мурашки побежали по коже. Она силилась обнаружить хоть какой-то намек на то, что он пошутил, но он даже не улыбнулся. С другой стороны, он был одним из друзей Теда и, как бы странно ни выглядел, Люси никогда еще не встречала преступников среди знакомых бывшего жениха.

– Ты шутишь, – произнесла она.

Он оглядел ее.

– Все может быть.

– Нет, не может!

Он срыгнул негромко, но все равно отвратительно. – Я в последнее время был слишком занят, чтобы отвлекаться на женщин. Пора наверстать упущенное.

Она уставилась на него.

– С невестой друга, которая решила сбежать со свадьбы?

Он почесал грудь.

– Никогда не знаешь, что выкинет сумасшедшая женщина. – Он допил пиво, опять срыгнул и бросил пустую бутылку в кусты. – Так что ты сказала? Хочешь, чтобы я отвез тебя назад, к мамочке с папочкой?

– Я же сказала «нет». – Несмотря на растущее беспокойство, она пока не была готова к возвращению. – Ты так и не сказал, как тебя зовут.

– Панда.

– Нет, на самом деле.

– Тебе не нравится?

– Трудно поверить, что это твое настоящее имя.

– А мне все равно, веришь ты или нет. Пока я побуду Пандой.

– Ясно. – Она задумалась, пока он открывал пакет с чипсами. – Должно быть, это здорово.

– Что именно?

– Кататься из одного города в другой под вымышленным именем. И прятаться при этом за большим синим шлемом.

– Наверное.

Пора это прекратить, она собралась с духом.

– У тебя, случайно, нет мобильного, которым я могу воспользоваться? Мне... мне надо кое-кому позвонить.

Он запустил руку в карман и бросил ей мобильник. Она не сумела поймать аппарат, и ей пришлось искать его в складках сутаны.

– Желаю, чтобы тебе повезло и ты поймала сигнал.

Люси об этом не подумала, но ведь способность мыслить логически покинула ее еще пару часов назад. Она, прихрамывая, ковыляла по лужайке в туфлях, причинявших уже нестерпимую боль, до тех пор пока не нашла место у берега, где появился слабый сигнал.

– Это я, – произнесла она, когда Мег ответила.

– Люси?! Ты в порядке?

– Это как посмотреть. – Она сдавленно засмеялась. – Помнишь, ты всегда говорила, что во мне есть некое дикое начало? Судя по всему, я его нашла. – Большей лжи и представить было нельзя. Дикой ее уж точно не назовешь. Быть может, когда-то она и была такой, но давно изменилась.

– О, дорогая... – Сигнал был слабый, но недостаточно, чтобы заглушить беспокойство в голосе подруги.

Ей нужно было вернуться в Уайнет. Но...

– Я... я трусиха, Мег. Я пока не в состоянии разговаривать с семьей.

– Люси, они любят тебя. Они все поймут.

– Скажи им, что я прошу прощения. – Она едва сдержала слезы. – Скажи, что я люблю их и знаю, что все испортила. Но я вернусь и все улажу... Только не сегодня. Я не смогу сделать это сегодня.

– Ладно. Я скажу им. Но...

Она отключилась, прежде чем Мег успела задать ей еще вопросы, на которые она не смогла бы ответить.

Ее охватила страшная усталость. Она плохо спала несколько последних недель, и ужасные события сегодняшнего дня высосали из нее все оставшиеся силы. Панда растворился в лесу, и, когда он появился, она решила позволить ему спокойно напиться. Она смотрела на одеяло, расстеленное на твердой земле, и подумала об изящных удобных постелях в президентском отсеке на борту номер один и шторках, которые закрывали окна одним нажатием кнопки. Она осторожно прилегла на самый дальний угол одеяла и вперила взгляд в звездное небо.

Она пожалела, что не знает имени байкера, имени, за которым она могла бы спрятаться. Это должно было быть какое-нибудь грубое имя. Сильное и угрожающее. Совсем не такое, как у нее.

Она заснула, размышляя, как его могут звать. Снейк¹... Фэнг²... Веном³...

Вайпер⁴.

¹ Змея (англ.).

² Клык (англ.).

³ Яд (англ.).

⁴ Гадюка (англ.).

Глава 2

Утренний холод и сырость разбудили ее. Люси открыла глаза и увидела, как персиковые лучи пронзают низкие облака. Все ее тело ныло: она замерзла, испачкалась и ощущала такую же тошноту, как в тот момент, когда заснула. Это был первый день того времени, что должно было стать ее медовым месяцем. Она представила, как Тед проснулся, думая о том же, испытывая ненависть к ней.

Панда спал рядом в мягкой парадной белой рубашке. Он спал на спине, его непослушная грива кольцами лежала вокруг лица. Сине-черная щетина покрывала челюсти, а на носу красовалось грязное пятно. Ей было противно находиться так близко к нему, и Люси с трудом поднялась. Его пиджак сполз с нее и упал на одеяло. Она поморщилась, обуваясь, и отправилась в заросли. По пути заметила в кустах шесть пустых пивных бутылок – омерзительные символы того, во что она впуталась.

На медовый месяц Тед арендовал виллу в Сент-Бартс. Возможно, теперь он поедет туда сам, хотя что может быть хуже, чем проводить медовый месяц в одиночестве? Даже проснуться на берегу реки в Богом забытом месте рядом с угрюмым, пьяным и потенциально опасным байкером и то приятнее.

Когда она вернулась, Панда стоял у реки, повернувшись к ней спиной. Вчерашняя фантазия о суровой девушке-байкере по имени Вайпер улетучилась, и ей показалось, что было бы грубо не обращать на него внимания.

– Доброе утро, – тихо произнесла Люси.

Он что-то хрюкнул.

Она быстро отвернулась, испугавшись, что он решит помочиться в реку, пока она смотрит. Она изнемогала от желания сходить в душ, переодеться и почистить зубы – и все это было бы ей доступно, если бы она дошла до алтаря. Кофейник. Приличный завтрак. Руки Теда, ласкающие ее тело, доводя до восхитительных оргазмов. Теперь же она находилась в окружении пустых пивных бутылок и в обществе человека, который откровенно признался, что ему нужно. Ее выводила из себя вся эта грязь и неопределенность. Ее выводила из себя собственная паника. Он все еще не повернулся, но поскольку ей показалось, что он вроде бы не занят своим инструментом, она рискнула спросить:

– Ты... собираешься в Уайнет сегодня утром?

Он снова хрюкнул.

В Уайнете она всегда чувствовала себя неудобно, хотя и притворялась, что городок нравится ей почти так же, как и Теду. Однако всякий раз, оказываясь там, она чувствовала, что все осуждают ее. Несмотря на то что она была приемной дочерью бывшего президента Соединенных Штатов, они вели себя так, будто Люси для них недостаточно хороша. Разумеется, они оказались правы, но тогда-то они этого не знали.

Панда продолжал вглядываться в реку, силуэт его длинного тела тенью ложился на известняковый утес, мятая рубашка с одной стороны вылезла из брюк, и в целом он имел совершенно неприличный вид. Туфли страшно стискивали ей ноги, но ей представилось, что она должна быть наказана, поэтому не стала их снимать.

Вдруг он решил покинуть свой наблюдательный пост и зашагал к ней, проваливаясь каблучками в землю.

– Ты готова вернуться к своей полуразрушенной жизни?

Более чем. Больше нельзя игнорировать свои обязанности. Даже в четырнадцатилетнем возрасте она была ответственным человеком. Сколько раз за последние семнадцать лет Нили и Мэтт говорили ей, что не смогли бы выполнять свою работу, если бы она так хорошо не заботилась о братьях и сестрах?

Она и сама усердно трудилась. Сначала, получив степень бакалавра, она была социальным работником, оказывая помощь сложным подросткам, и в то же время училась на магистра. Но через пару лет она перестала заниматься поддержкой неблагополучных семей, несмотря на всю любовь к этой работе, и стала использовать свое известное имя для менее благодарной, но более эффективной работы – лоббирования. Отчасти благодаря ей были приняты некоторые законы, призванные помочь обездоленным детям. Она не собиралась бросать работу даже после свадьбы, каким бы соблазнительным это ни казалось. Каждый месяц она на пару дней летала бы в Вашингтон, а все остальное время работала в Техасе. Пора уже осознать последствия того, что она совершила.

Но ее желудок с этим не соглашался. В животе заурчало сильнее – и она помчалась в лес, едва успев добежать до деревьев, где ее и вырвало. Она не ела так долго, что даже ощутила боль.

В конце концов спазмы прекратились. Панда даже не взглянул на Люси, когда она вышла из-за деревьев. Она неровной походкой подошла к реке, сначала ее каблуки цеплялись за камни, потом увязли в песке. Она опустила на колени у воды и умылась.

– Поехали, – произнес он.

Стоя на коленях, она наклонилась ниже, вода стекала по ее щекам. Она услышала собственный голос как-то отстраненно, будто он звучал издали, из какого-то места, где она не бывала со времен юности.

– У тебя остались какие-то вещи в Уайнете?

– Ты о чем?

– Одежда? Чемодан? Карточка Менсы?⁵

– Я путешествую налегке. Пара джинсов, пара футболок, пачка презервативов.

Люди всегда старались вести себя прилично в присутствии членов семьи президента. Едва ли кто-нибудь, кроме Мег или одной из семи сестер ее отца, когда-либо позволял себе грязную шутку или хотя бы отдаленно мог намекнуть на что-то непристойное. Подчеркнутая вежливость всегда ее раздражала, но сейчас она могла бы это только поприветствовать. Люси притворилась, что не слышала этот пассаж.

– Значит, у тебя там ничего не осталось, что я должна была бы компенсировать?

– На что ты намекаешь?

Семья знала, что она в безопасности. Мег должна была им сообщить.

– На самом деле мне нельзя возвращаться в Уайнет, пока там журналисты. – Больше всего девушку беспокоили не журналисты, но в этом она признаваться не собиралась. – Я хотела узнать, какие у тебя планы на ближайшее время.

– Избавиться от тебя. – Он почесал щетинистую щеку. – И потрахаться.

Она сглотнула.

– Что, если я сделаю так, чтобы ты не зря потратил время?

Он опустил взгляд на ее грудь, которая благодаря неприлично дорогому французскому бюстгальтеру выглядела намного лучше, и произнес:

– Ты не в моем вкусе.

«Игнорируй его».

– Я хотела сказать, что если сделаю так, чтобы тебе не захотелось мне отказать?

– Мне это неинтересно. – Он поднял с земли одеяло. – Я в отпуске. И не собираюсь портить очередной день. Ты возвращаешься в Уайнет.

– Я тебе заплачу, – услышала она собственный голос. – Не сегодня. У меня с собой денег нет, но вскоре я об этом позабочусь.

Как? Это ей еще предстояло решить.

⁵ Крупнейшая организация, клуб, объединяющий людей с высоким коэффициентом интеллекта.

– Я оплачу бензин, еду, возьму на себя все твои расходы. Плюс... по сто долларов в день. Договорились?

Он скатал одеяло в рулон.

– Возиться с тобой неохота.

– Мне сейчас нельзя возвращаться. – Она собрала остатки храбрости, которой в подростковом возрасте у нее хватало с избытком. Это уже потом она стала спокойнее и под грузом ответственности научилась контролировать себя. – Если ты не возьмешь меня с собой, я найду кого-то еще, кто согласится.

Возможно, Панда понял, что она блефует, потому что едва не расхохотался.

– Поверь мне. Девушка вроде тебя не создана для того, чтобы по восемь часов в день сидеть на мотоцикле.

– Возможно, что и так. Но один день я продержусь.

– Забудь об этом.

– Тысяча долларов плюс расходы.

Он отнес одеяло к мотоциклу и положил в боковую сумку.

– Думаешь, я поверил, что ты заплатишь?

Она сцепила руки перед собой.

– Заплачу. Даю слово.

Да, конечно. Теду ты тоже кое-что обещала, а оказалось, что это полная ерунда.

Она поморщилась.

– Я напишу расписку.

– Жаль, что твоему жениху такое не пришло в голову.

Нахмурившись, он защелкнул замок на сумке.

Хотя Панда и не принял ее предложение, он не уехал без нее – хороший знак. Люси хотела есть, но, кроме того, она нуждалась в удобной обуви и свежей одежде.

– Не мог бы ты развернуться? – прокричала она Панде на ухо, когда тот пронесся мимо «Уолмарта». – Я хотела бы кое-что купить.

Либо Люси недостаточно громко говорила, либо он ее не слышал, потому что так и не остановился.

Пока они ехали, она задумалась о прошлом и вспомнила день, когда Мэтт Джорик появился в том паршивом съемном доме в Харрисберге, где она пряталась с маленькой сестрой все время после смерти матери. Он возник у входной двери в ярости и нетерпении. Ей нужно было защищать мертвую мать и годовалую сестру, поэтому, несмотря на четырнадцатилетний возраст и страшный испуг, она не могла допустить, чтобы он это увидел.

– Нам не о чем говорить, – произнесла она, после того как он проник внутрь.

– Прекрати... Если ты не уйдешь сейчас со мной, через час здесь будут представители Службы охраны семьи, и они заберут вас обоих.

На протяжении шести недель она использовала все средства, которые доступны четырнадцатилетнему подростку, чтобы власти не догадались, что она воспитывает малышку по прозвищу Кнопка, которая выросла в прекрасную девушку Трейси, совсем одна.

– Нам не нужно, чтобы о нас кто-то заботился! – кричала она. – Мы и сами прекрасно справляемся. Почему бы вам не заняться своими делами?

Но он не стал заниматься своими делами. И вскоре он, Люси и Кнопка отправились в путь. Потом они встретились с Нили и поехали в путешествие по стране на Мейбл – выдавшем виды трейлере «виннебаго», который до сих пор стоит на участке ее родителей в Виргинии, потому что ни один из них не находил в себе сил, чтобы избавиться от него. Мэтт был единственным отцом, которого она когда-либо знала, и лучшего отца и пожелать было нельзя. Как и лучшего супруга для Нили, а ведь к укреплению этого союза приложила руку и сама Люси.

Тогда она была такой смелой. Такой бесстрашной. Она лишилась этого качества не сразу, а постепенно, так что почти не заметила, как это произошло.

Панда остановился в грязи у белого каркасного дома, над входом в который красовалась вывеска «ДЕРЕВЕНСКИЙ МАГАЗИН СТОКИ». В витринах было представлено множество товаров – от дробовиков до мисок и детских шлепанцев фирмы «Крокс». У двери стоял автомат с колой, рядом примостился садовый гном вместе со стойкой с открытками.

– Какой у тебя размер обуви? – злобно спросил он.

– Семь с половиной. И я хотела бы...

Он уже бежал к магазину семимильными шагами.

Она спрыгнула с мотоцикла, пристроилась за фургоном для доставки продуктов и принялась ждать, опустив шлем пониже. Жаль, что она сама не могла выбрать себе обувь, но заявиться в магазин в таком виде было бы неприлично. Люси молилась, чтобы Панда не купил еще пива. Или презервативов.

Он вышел с пластиковым пакетом и бросил его в нее.

– За тобой должок.

«БЕНЗИН, ТРАВА ИЛИ ЗАДНИЦА. НИКТО НЕ ПОЕДЕТ БЕСПЛАТНО».

– Я же сказала, что заплачу.

Он снова хрюкнул, как пещерный человек.

Она заглянула в пакет. Джинсы, серая хлопковая футболка, дешевые кроссовки темно-синего цвета и кепка. Она отнесла это все за магазин, сняла шлем и переделалась, стараясь чтобы ее не было видно. Джинсы оказались слишком плотными, уродливыми и мешковатыми как в бедрах, так и по всей длине. На футболке красовался логотип Техасского университета. Он забыл носки, но она по крайней мере могла избавиться от каблучков. В отличие от него она не оставляла после себя мусор, поэтому запихнула сутану и туфли в тот же пластиковый пакет и вышла из-за деревьев.

Он почесывал грудь с отсутствующим видом.

– В магазине работал телевизор. Ты во всех новостях. Говорят, ты сейчас у друзей, но я бы не стал рассчитывать на то, что тебя никто не узнает.

Люси вцепилась в пластиковый пакет, в котором лежала сутана, и снова надела шлем.

Через полчаса Панда припарковался за Денни'з. Она хотела попасть в настоящую ванную с теплой и холодной водой, и это перевешивало страх попасться кому-нибудь на глаза. Пока он прятал в карман ключ зажигания и оглядывался, она сняла шлем, собрала вещи, стянула волосы в некое подобие конского хвоста, который продела в отверстие в кепке сзади.

– Если это вся твоя маскировка, – произнес он, – далеко мы не уедем.

Он был прав. Ей захотелось надеть шлем. Люси быстро огляделась, чтобы убедиться, что за ними не следят, вытащила из пакета испорченные туфли, оставив в нем только скомканную сутану. Она скрутила пакет и затолкала его под просторную футболку, подхватив ее поясом от джинсов, чтобы он не вывалился.

Именно такую маскировку использовала Нили много лет назад, когда сбежала из Белого дома. Быть может, и у Люси это сработает. Если ей повезет, никто не свяжет дочь бывшего президента с дешево одетой беременной женщиной, заходившей в Денни'з. Она скорее похожа на очередную глупую дамочку, которая запала не на того парня.

Панда уставился на ее округлившийся живот.

– Ну вот, приехали. Скоро я стану отцом, а о сексе и вспомнить-то нечего.

Она подавила желание извиниться.

Похоже, он всегда принимал либо отсутствующий вид, либо сердитый, третьего варианта не существовало. На этот раз он был сердит.

– Да, ты похожа на несовершеннолетнюю.

Она всегда выглядела моложе своих лет, а в этой одежде казалась совсем юной. «Уверена, я не первая девочка-подросток в твоём списке» – вот что сказала бы ему Мег. Но Люси отвернулась, выбросила разбитые туфли в мусорный бак и осторожно направилась в ресторан.

К ее великому облегчению, никто не обратил на нее внимания, но не потому что она была плохо одета или беременна, а потому что все смотрели на Панду. В этом смысле он был похож на Теда. Их обоих нельзя было не заметить: Теда – поскольку он производил исключительно благоприятное впечатление, Панду – наоборот.

Она отправилась в туалет, помылась, как могла, и поправила бутафорский живот. Когда вышла оттуда, то почувствовала себя почти человеком.

Панда стоял у двери. На нем была все та же мятая рубашка, но от него пахло мылом. Он уставился на ее живот.

- Не очень реалистично.
- Пока ты здесь, думаю, на меня никто особого внимания не обратит.
- Посмотрим.

Она последовала за ним к столу. Несколько человек проводили их взглядами, когда они проскользнули в огороженную кабинку и сели друг против друга. Они сделали заказ и, пока ждали, Панда смотрел телевизор, по которому показывали результаты спортивных соревнований.

- Пока ты была в туалете, в новостях сказали, что твоя семья вернулась в Виргинию.
- Ее это не удивило. Они чувствовали бы себя крайне неловко, если бы остались в Уайнете.
- Завтра они уедут в Барселону на конференцию Всемирной организации здравоохранения.

Он принял такой вид, как будто не знал, что такое конференция, не говоря уже о Всемирной организации здравоохранения.

- Когда ты позвонишь Теду и признаешься, что сошла с ума?
- Не знаю.
- Побег не может решить какие бы то ни было проблемы, которые богатая девушка вроде тебя себе выдумала. – Его легкая ухмылка позволяла предположить, что он не верит, будто у девушки вроде нее могут быть настоящие проблемы.
- Я не сбегала, – выпалила она. – Я... в отпуске.
- Ошибочка вышла. Это я в отпуске.
- А я предложила заплатить тебе тысячу долларов и компенсировать все расходы, если возьмешь меня с собой.

В этот момент принесли еду. Официантка поставила напротив нее тарелку с чизбургером с беконом, луковыми кольцами и зеленым салатом. Он положил в рот луковое кольцо, жаренное во фритюре.

- Что будешь делать, если я откажу?
- Найду кого-то еще, – произнесла Люси, зная, что это полная чепуха. У нее на примете больше никого не было. – Видишь того парня? – Она кивнула на сурового мужчину, перед которым стояла тарелка с блинами. – Попрошу его. Судя по его виду, он не откажется от денег.
- Это ты по его шевелюре догадалась?

Уж кому-кому, а Панде следовало помолчать, а не критиковать прическу другого мужчины. Хотя другие женщины в ресторане, судя по всему, не были настроены столь критически на его счет.

Вероятно, два дела одновременно он осилить не мог, поэтому какое-то время молча жевал и, по-видимому, даже не думал над ее словами. Наконец, откусив огромный кусок гамбургера, он с набитым ртом произнес:

- Ты гарантируешь, что заплатишь тысячу, даже если тебя не хватит на сегодня?

Она кивнула, потом взяла один из карандашей, которые лежали на столике для детей. Она написала что-то на салфетке и бросила ее через стол.

– Вот. У нас с тобой контракт.

Он изучил текст. И отложил салфетку.

– Ты обманула приличного парня.

Она заморгала, ощутив жгучую боль в глазах.

– Лучше сейчас, чем тогда, когда было бы уже поздно, правда? Прежде чем он выяснил бы, что стал жертвой недобросовестной рекламы? – Она пожалела, что произнесла это, но он лишь перевернул бутылку с кетчупом и постучал по доньшку.

Официантка вернулась с кофе и томным взглядом, обращенным на Панду. Люси немного поменяла положение, и пластиковый пакет зашуршал под футболкой. Кофейник застыл в воздухе – официантка повернулась и посмотрела на нее. Люси наклонила голову.

Он скомкал салфетку с текстом контракта и вытер рот.

– Ребенку не нравится, когда она ест слишком быстро.

– Вы, беременные, с каждым годом все моложе, – произнесла официантка. – Сколько тебе лет, солнышко?

– Она совершеннолетняя, – вставил Панда, прежде чем Люси успела открыть рот.

– Сомневаюсь, – пробормотала официантка. – Когда роды?

– Эм-м-м, в августе? – Люси произнесла это так, будто это был вопрос, а не утверждение, официантка, казалось, была сбита с толку.

– Или в сентябре. – Панда откинулся на спинку дивана, прикрыв глаза. – В зависимости от того, кто отец.

Женщина посоветовала Панде нанять хорошего адвоката и удалилась.

Он отставил пустую тарелку.

– Через пару часов мы можем быть в аэропорту Остина.

Никаких самолетов. Никакого аэропорта.

– Я не могу лететь, – сказала она. – У меня нет паспорта.

– Позвони своей старушке и попроси помочь. Эта прогулка и так дорого мне обошлась.

– А я тебе говорила: следи за расходами, я все возьму. Плюс еще тысяча долларов.

– Где ты возьмешь деньги?

Она не представляла.

– Я что-нибудь придумаю.

Люси пошла на вечеринку, зная, что там будут пить. Ей было почти семнадцать, никто из подростков не собирался употреблять наркотики, а Мэтт с Нили все равно никогда ничего не узнали бы. Ну и почему бы не сходить?

Потом Кортни Барнс отключилась за диваном, и они не смогли привести ее в чувство. Кто-то набрал 911. Появились копы и забрали паспорта. Когда они узнали, кто такая Люси, один из них повез ее домой, а всех остальных доставили в полицейский участок.

Она никогда не забудет, что сказал ей полицейский.

– Все знают, что сенатор Джорик и мистер Джорик сделали для тебя. Вот чем ты им отплатила!

Мэтт и Нили отказались от предоставленных ей привилегий и отвезли в полицейский участок, где ее посадили вместе с остальными. Пресса освещала весь процесс, присовокупляя к этому репортажи о сумасшедших детках вашингтонских политиков, но родители никогда не позволяли себе попрекать ее этим. Напротив, они говорили с ней о вреде алкоголя и опасности вождения в нетрезвом виде и о том, как любят ее и хотят, чтобы она умела делать правильный выбор. Их любовь заставляла ее испытывать стыд и изменила так, как не изменило бы самое суровое отношение. Она пообещала себе никогда больше их не расстраивать и до вчерашнего дня держала свое обещание.

Теперь Люси стояла в маленьком магазине уцененных товаров, где пахло резиной и попкорном. Она поправила пластиковый пакет под футболкой, чтобы он не шуршал, но после многих часов пути имела такой потрепанный вид, что на нее особо никто не смотрел, зато Панда привлекал подозрительные взгляды, как в ресторане. Молодая мать даже отправила своего ребенка в другой коридор, чтобы малыш не столкнулся с ним.

Люси посмотрела на него из-под козырька кепки.

– Встретимся у кассы.

Он взял дешевый розовый спортивный бюстгальтер.

– Похоже, твой размерчик.

Она натянуто улыбнулась.

– На самом деле помощь мне не нужна. Занимайся своими покупками. Все за мой счет.

Он бросил бюстгальтер обратно.

– Черта с два за твой счет. Чеки-то я собираю.

Он стоял не шелохнувшись. Люси положила в корзину какие-то уродливые белые бабушкины трусы, потому что не хотела выбирать вещи у него на глазах.

Панда вытащил их из корзины и закинул туда микроскопические трусики яркого цвета.

– А мне эти больше нравятся.

«Еще бы. Но поскольку ты их никогда не увидишь, у тебя нет права голоса».

Он засунул руку под футболку и почесал живот.

– Поторопись. Я проголодался.

Она нуждалась в нем, поэтому оставила это омерзительное белье в корзине и разрешила ему отвести ее в тот единственный отдел, где продавались мужские вещи.

– Мне пригодился бы женский совет. – Он схватил темно-синюю рубашку и уставился на картинку – изображение женщины с огромным бюстом и ракетной установкой между ног.

– Однозначно – нет, – отрезала она.

– А мне нравится. – Он бросил футболку через плечо и начал копать в стопке джинсов.

– Я думала, тебе нужен мой совет.

Он с отсутствующим видом уставился на нее.

– С чего это ты взяла?

Она сдалась.

Через пару минут она поставила корзину со своими скудными покупками у кассы и поняла, как сильно тоскует по жемчугам и ободочкам, узким летним платьям и симпатичным босоножечкам. Она жить не могла без этих вещей. В балетках и кашемировых свитерах, с прижатым к уху мобильным телефоном, она точно знала, кто такая: не только приемная дочь бывшего президента Соединенных Штатов, но и искусный лоббист и первоклассный специалист по сбору денег на важные мероприятия в помощь детям. У нее снова заболел желудок.

Панда мрачно посмотрел на Люси, оплачивая покупки. Когда они вышли, он затолкал все в дешевый серый нейлоновый вещевой мешок, который купил только что, обернув ее неоновые трусики своими угольно-серыми боксерскими трусами, и прикрепил мешок к «ямахе» при помощи прорезиненного шнура.

Панде не нравились скоростные трассы между штатами, как она поняла, и они ехали по пыльным второстепенным дорогам, которые проходили через вымирающие городки и череду старых ранчо. Она не знала, куда они направляются. И ей было все равно. Когда начало смеркаться, он остановился у небольшого мотеля рядом с заброшенной площадкой для гольфа. Первое, что Люси заметила, когда он вышел из крошечного кабинета хозяина мотеля, – это один-единственный ключ, который свисал на веревочке, зажатой в его большом кулаке.

– Я хотела бы отдельную комнату, – сказала она.

– Тогда заплати за нее. – Он перебросил ногу через сиденье и, не дожидаясь ее, поехал к дальнему номеру. Она пошла пешком, ноги у нее подкашивались. По крайней мере езда

на этом большом кожаном вибрирующем сиденье позволяла ей чувствовать себя живой, до тех пор пока она не вспоминала, что эти широкие плечи, маячившие перед ней целый день, принадлежали мужчине, который общался при помощи фырканья, жевал с открытым ртом и терпел ее только ради денег. Мужчине, с которым ей предстояло делить номер во вшивом мотеле.

Все, что ей нужно было сделать, – это позвонить. Один телефонный звонок – и это безумие прекратится.

Она шла дальше.

Он как раз отвязывал шнур на мотоцикле, когда она подошла к их номеру. Панда взял в руки мешок, где лежали их недавние покупки, и открыл одну из боковых сумок, где лежала очередная упаковка из шести бутылок пива на этот вечер, и она увидела еще одну наклейку на внутренней части клапана.

Надпись оказалась такой зловещей, что она не сразу поняла, что имелось в виду.

«Не доверяй тому, что кровоточит по пять дней в месяц и после этого не умирает».

Он со свистом закрыл сумку и окинул ее взглядом, прикрыв глаза.

– Ты еще не готова позвонить мамочке с папочкой?

Глава 3

Расстояние между кроватями не превышало ширину потертой прикроватной тумбочки, разделявшей их. Люси выбрала кровать поближе к двери на тот случай, если ей понадобится сбежать в ночи с воплями.

В комнате пахло сигаретами и дешевым хвойным освежителем воздуха. Панда с грохотом опустил упаковку бутылок пива на то, что можно было считать столом. У него появилась плохая привычка смотреть на нее, будто видел ее сквозь одежду, и именно таким взглядом он ошупывал ее сейчас. Никто никогда не смотрел на нее так. Все слишком сильно ее уважали. Но он был существом примитивным. Он чесался, рыгал, фыркал. Он сосредоточивался на еде, когда испытывал голод, на пиве – когда хотел пить. А когда хотел секса, сосредоточивался на ней.

Она пыталась наблюдать за ним исподтишка. Он схватил бутылку пива. Люси думала, что он откроет ее зубами, но он раздобыл где-то открывалку. На нем джинсы сидели гораздо лучше, чем на ней. Если бы он не был таким грубым, глупым и страшным, она могла бы назвать его привлекательным.

Люси вытащила из мешка свои вещи. Панда сбросил ботинки, улегся в кровать и взял пульт дистанционного управления.

– Надеюсь, порноканал у них есть.

Она вскинула голову.

– Расскажи о своей жизни в тюрьме.

– Зачем тебе это?

– Потому что... мне интересно, – быстро произнесла она. – Когда-то я была социальным работником.

– Я отсидел свое, – произнес он. – И считаю, назад оглядываться не стоит.

Разумеется, он врал.

– Судимость и тюремный срок помешали тебе добиться поставленных целей в плане карьеры?

– Не особенно, как ты могла заметить. – Он переключал каналы. К счастью, в мотеле порноканала не было, что объяснялось крестом на стене. И он решил посмотреть гонки НАСКАР.

Она весь день мечтала принять душ, но сама мысль о том, чтобы раздеться за хлипкой дверью ванной комнаты – единственным, что будет их разделять, – не привлекала ее. И все же Люси собрала вещи, отнесла в ванную и закрыла слабый замок.

Она никогда не получала большее наслаждение от душа, несмотря на неловкость от того, что им обоим пришлось остановиться в одном номере. Она помыла голову, почистила зубы и испытала удовольствие от собственной чистоты и свежести. Поскольку купить пижаму она не догадалась, то облачилась в новую футболку и шорты: и то и другое сидело на ней гораздо лучше, чем одежда, которую купил ей он. Когда она вышла, Панда засунул что-то в карман.

– Здесь отвратный набор каналов. – Он переключился на передачу о грузовиках.

«Уверена, жизнь без порнографии очень тяжела для человека с таким развитым интеллектом, как у тебя».

– Очень жаль, – произнесла она.

Он почесал грудь и кивнул.

Именно на такого парня запала бы ее биологическая мать. Сэнди слишком много пила, сменила слишком много мужчин и в итоге скончалась, когда ей было на пару лет больше, чем Люси. У них было много общего: те же карие глаза с зелеными прожилками, те же тонкие черты лица и теперь та же безответственность.

Ей нужно было доказать себе, что все несколько иначе.

– Можно воспользоваться твоим телефоном?

Не отрываясь от ралли на грузовиках, он перевалился на бок и вытащил телефон из кармана, в который, как она видела, спрятал его пару минут назад. Она взяла аппарат.

– Ты с кем-то говорил?

Его взгляд был прикован к экрану.

– Тебе-то какое дело?

– Просто интересно.

– С Тедом.

– Ты говорил с Тедом?

Он взглянул на нее.

– Я подумал, несчастный сукин сын заслуживает того, чтобы узнать: ты еще жива. – Он вернулся к грузовикам. – Прости, у меня для тебя плохие новости: он ни слова не сказал о том, что хочет тебя вернуть.

Ее желудок, как обычно, предательски сжался, когда она подумала о Тедке, но если она начнет думать о том, как он переживает, то не сможет нормально существовать. Можно подумать, до этого она нормально существовала. Потом Люси посетила другая мысль. Что, если Панда врет? Что, если вместо Теда он обзванивал «желтые газеты»? Продав эту историю, он заработал бы больше денег, чем получит за год. За многие годы.

У нее чесались руки, так хотелось проверить журнал вызовов, но она не могла сделать это при нем. Когда Панда пойдет в туалет, тогда она и проверит. А пока просто позвонит Мег и скажет, что жива-здоровая. Но когда Люси попыталась выйти с телефоном, Панда рявкнул:

– Оставайся здесь, если только не хочешь подружиться с некоторыми из этих типов, которых я заметил на парковке.

– В приличных отелях такой проблемы нет, – не удержалась она.

– Мне-то почему знать.

Она набрала номер Мег и быстро поговорила с ней: «У меня все хорошо. Точно не знаю, что буду делать дальше. Не будем об этом. Передай родителям». И наконец: «Мне пора».

За долгие годы они с Мег говорили обо всем, но сейчас она не могла разговаривать с ней. К счастью, Мег была чем-то занята и особо не настаивала.

Не было еще и девяти, когда она отключилась. Читать было нечего. Делать было нечего. По возвращении из медового месяца она собиралась приступить к работе над писательским проектом о жизни Нили, которым руководил ее отец, но сейчас она не могла сосредоточиться ни на чем подобном. И она уж точно не могла думать о лоббистской работе, которую собиралась возобновить осенью.

Люси подошла к дальнему концу свободной кровати и подвинула подушки к шаткому изголовью. Ралли на грузовиках наконец-то закончились. Она подскочила, услышав, как взвизгнули пружины на кровати рядом. Панда схватил кое-какие вещи и исчез в ванной. Она встала, чтобы найти его телефон, но ей это не удалось. Вероятно, аппарат так и остался у него в кармане.

Слышался шум воды в душе. Она не заметила, чтобы он покупал пижаму. Байкерша Вайпер, которой она хотела бы быть, с радостью использовала бы такую возможность, но сама мысль об обнаженном Панде страшно нервировала Люси.

Сон обещал стать спасением от вынужденного заточения. Она поправила покрывало и уложила голову между подушек. Повторяя себе, что надо заснуть, она услышала, как открылась дверь ванной. И снова подумала, что Панда понравился бы Сэнди. Он был смуглый, угрюмый и туповатый. Парни вроде Панды помогали ей понять, как ее мать осталась с двумя детьми на руках от разных отцов.

Смутные воспоминания о доноре Люси включали слова «обдолбанный студент». Странноватый отец Трейси погиб в той же автокатастрофе, что унесла жизнь самой Сэнди.

На ее плечо легла рука. Она вскочила, подушка упала с головы.

– Что?

Он стоял над ней, на нем не было ничего, кроме капель воды и чистых джинсов. Ее сердце заколотилось. Мускулы обнаженной груди были тверды, как камень, слишком тверды. Он не потрудился застегнуть ширинку на джинсах, и они едва держались на бедрах. Она увидела плоский живот, узкую стрелку темных волос, спускавшуюся от пупка, и весьма заметный бугорок.

Он потер большим пальцем ее плечо.

– Так... Ты хочешь это сделать или как?

Она отстранилась.

– Нет.

– А ведешь себя так, будто хочешь.

– Не хочу!

Он занес руку над ее грудью и уставился в телевизор.

– Как и я, наверное.

В душе она возмущенно спросила себя, откуда взялось это «как и я». Люси стиснула зубы.

Панда вновь обратил внимание на нее.

– Мне нравится грубый секс, а ты, похоже, не из тех, кто это любит. – Он щелкнул ее по бедру. – Уверена, что не передумаешь?

Она отдернула ногу и почесала место, до которого он дотронулся.

– Абсолютно.

– Откуда знаешь, что тебе не понравится?

Он все еще нависал над ней, и ее сердце бешено колотилось. Девять лет под охраной секретной службы научили ее принимать свою безопасность как должное, но у мотеля ее не караулил дружественный агент. Она была совсем одна.

– Я просто знаю, и все.

Его тонкие губы изогнулись от недовольства.

– Ты портишь мне весь отпуск. Ты это понимаешь, правда?

– Я тебе плачу.

– Что ж, знаешь, я решил, что ты недостаточно мне платишь. Я с самого начала был с тобой честен. Я сказал, что хочу потрахать. – Он потянулся к простыне, которой она накрылась.

Люси вцепилась в нее.

– Прекрати сейчас же! Отойди.

В его глазах мелькнуло беспокойство.

– Тебе понравится. Я сделаю так, что тебе понравится.

Это звучало, как реплика из фильма, но Панда имел такой вид, будто сам это сочинил. Она поверить не могла, что все происходит наяву. Она прижалась спиной к изголовью, испуганная и разъяренная.

– Ты пальцем меня не тронешь, и знаешь почему? Потому что если осмелишься, то вся система правосудия Соединенных Штатов ополчится и тебя просто раздавят.

– Твое слово против моего. – Он закусил губу.

– Именно. Бывший заключенный и дочь президента. Сам догадайся, каков будет исход.

Люси наконец добралась до его мозга через толстенную черепную коробку. Со злобным бормотанием Панда метнул на нее свирепый взгляд и уполз в свою нору.

Она так и сидела, прижавшись спиной к изголовью, в висках стучала кровь. Она натянула простыню на грудь, как будто та могла ее защитить, если он передумает.

Все было кончено. Он сделал выбор за нее. Она не могла больше ни дня оставаться с ним после такого. Первым делом завтра утром она позвонит родным, найдет ближайший аэропорт и улетит домой. Приключениям байкерши Вайпер пришел конец.

Полететь домой – для чего? Чтобы увидеть разочарованные лица родителей? Вернуться к работе, к которой она уже начала проникаться ненавистью?

Она завернулась в простыню, как в зыбкую броню. Почему на его месте не мог оказаться какой-нибудь безобидный странник, который подвез бы ее без всяких проблем? Она снова положила голову между подушек, ее распирало от волнения и негодования. Люси наблюдала за Пандой через щель – узкое пространство, разделявшее их кровати. Стены были тонкие. Она боялась закрыть глаза. Если он сделает еще хоть шаг – она закричит. В этом паршивом мотеле ее уж точно кто-то услышит.

Он лежал на спине, скрестив ноги и положив пульт на грудь, волосы чернильными прядями разметались по подушке. С грузовиков он переключился на рыбалку на окуня и принял совершенно расслабленный вид, отнюдь не как человек, который собирался кого-нибудь изнасиловать.

Совершенно, полностью расслабленный...

Возможно, всему виной был мерцающий свет телевизора, но она была готова поклясться, что увидела, как легкая улыбка, исполненная удовлетворения, тронула уголки этих тонких губ.

Люси поморщилась. Чуть поправила подушки. Нет, дело не в ее воображении. Он имел самодовольный вид, а отнюдь не злое.

Панда выглядел как человек, который придумал идеальный способ избавиться от надоевшей обузы, став при этом на тысячу долларов богаче.

Следующим утром она оделась в ванной и не разговаривала с ним, до тех пор пока их не обслужили в блинной, которая разместилась между сервисным центром и магазином секонд-хенд. Среди обедающих попадались и женщины, но в основном посетителями были мужчины в разнообразных кепках, от тех, что носят водители грузовиков, до тех, что носят спортсмены. Они подозрительно разглядывали Панду, но никто не обращал внимания ни на нее, ни на ее живот.

Он с шумом отхлебнул кофе из кружки, потом впился зубами в блины и принялся жевать, не потрудившись закрыть рот. Он заметил, что она смотрит на него, и нахмурился. Люси продолжала размышлять, пытался ли он манипулировать ею вчера вечером. Она была почти уверена, что Панда специально хотел ее напугать, с другой стороны, в последние дни она не могла стопроцентно доверять своим ощущениям.

Она внимательно оглядела его и, сверля взглядом, произнесла:

– Ну что, много женщин ты изнасиловал?

Она все заметила. Вспышка возмущения, которую он почти сразу подавил, прикрыв веки и с шумом отхлебнув кофе.

– Зависит от того, что понимать под изнасилованием.

– Ты понял бы сразу, если бы сделал это. – Она ринулась в бой. – Должна признать, вчера вечером ситуация была интересная.

Он сдвинул брови.

– Интересная! Думаешь, это было интересно!

Нет, тогда она так не думала. А сейчас? Определенно.

– Возможно, если бы ты был лучшим актером, тебе и удалось бы что-то изобразить.

Он напрягся.

– Не знаю, о чем ты.

Она проигнорировала его недовольный взгляд.

– Очевидно, ты хочешь от меня избавиться, но разве ты не мог придумать ничего получше? – Он поджал губы, и ей пришлось собрать всю свою смелость в кулак, чтобы поставить локти на стол и посмотреть ему в глаза.

– Я никуда не собираюсь, Панда. Ты застрял здесь со мной. – Маленький дьяволенок подначивал ее, и она ткнула пальцем в уголок своего рта. – У тебя здесь еда прилипла.

– Мне все равно.

– Правда? Такому привередливому едоку, как ты, все равно?

– Если тебе что-то не нравится, сама знаешь, что можешь сделать.

– Знаю. Полететь домой и отправить тебе чек на тысячу долларов плюс расходы.

– Ты права, черт возьми. Плюс расходы. – Он вытер рот салфеткой, скорее оттого, что задумался, а не капитулировал.

Она обхватила пальцами кружку. Панда мог бы в любую минуту выкинуть ее на дороге и исчезнуть, но он хотел денег, поэтому не сделал этого. Теперь он собирался запугать ее и все равно забрать деньги. Тем хуже для него.

Она поставила кружку на стол. На этот раз Люси показалось, что она одержала над ним верх, но все было как раз наоборот.

– Ты большой и плохой парень, Панда. Я это понимаю. И теперь, когда я это понимаю, может, прекратишь?

– Не знаю, что ты имеешь в виду.

– Все эти грязные взгляды. Намеки на близость.

Он отодвинул тарелку, не доев блины и разглядывая ее на расстоянии.

– Вот как это вижу я. Богатая девушка думает, что может добавить в свою жизнь острых ощущений, если потусуеться с парнем вроде меня. Разве я не прав?

Она напонила себе, кто одержал верх.

– Что ж, опыт подсказывает: кому-то стоит задуматься о том, как важно уметь прилично вести себя за столом. – Она одарила его тем же суровым взглядом, которым смотрела на братьев и сестер, когда те плохо себя вели. – Скажи, куда мы едем.

– Я собираюсь на озеро Каддо. А ты, если бы думала о том, что для тебя лучше, собралась бы в аэропорт.

– Простите. – Женщина лет шестидесяти в персиковом брючном костюме приблизилась к их столику. Женщина указала на близстоящий столик, за которым сидел толстощекий мужчина с усами, как у моржа, и притворялся, будто смотрит в другую сторону. – Мой муж Конрад посоветовал мне не совать нос не в свое дело, но я не могла не заметить... – Она уставилась на Люси. – Кто-нибудь говорил вам, что вы похожи на дочь президента? Эту дамочку по имени Люси.

– Ей постоянно об этом говорят, – проговорил Панда. – Он посмотрел через стол на Люси и произнес на отличном испанском: «Ella es otra persona que piensa que te pareces a Lucy Jorik». – А потом обратился к женщине. – Она не очень хорошо говорит по-английски.

– Это удивительно, – заявила дама. – Конечно, теперь, когда стою ближе, я вижу, что она намного моложе. Надеюсь, из нее не вырастет такой же нехороший человек.

Панда кивнул.

– Очередной избалованный ребенок богатых родителей, который думает, что весь мир ей что-то должен.

Люси совсем это не нравилось, но дама в персиковом брючном костюме была в ударе.

– Раньше я восхищалась тем, как президент Джорик воспитала своих детей, но она явно дала промашку с этой Люси. Сбежать от мальчика Бодинов! Я постоянно смотрю передачу его мамочки. А Конрад – большой поклонник гольфа. Он не пропускает ни одного турнира, в котором участвует Даллас Бодин.

– Наверное, некоторые женщины сами не знают, что было бы для них лучше всего, – согласился Панда.

– По секрету скажу: то же относится и к Конраду. – Она улыбнулась Люси. – Что ж, хорошего дня. Простите, что побеспокоила вас.

– Вы нас не побеспокоили, – произнес он исключительно вежливо, как проповедник из маленького городка. Как только она исчезла, Панда скомкал салфетку. – Поехали, к черту, отсюда, прежде чем заявятся очередные фанаты. Мне не нужно все это дерьмо.

– Ты только и можешь ворчать, – сказала ему Люси. – Именно ты пригласил меня в эту прекрасную поездку, и я не собираюсь останавливаться.

Он швырнул пару купюр на стол, явно разозлившись больше, чем следует.

– Ты покойница.

Глава 4

Маленький съемный дом притулился на берегу одного из уединенных рукавов озера Каддо. Два старых оконных кондиционера горбами торчали на фоне выцветшего сайдинга горчичного цвета, а крыльцо было обложено искусственным дерном. Прошлую ночь они провели в мотеле близ Накогдочеса, и весь вечер Панда нарочито ее игнорировал. Рано утром они направились на северо-восток к озеру, которое располагалось на границе Луизианы и Техаса, и, если верить буклету с заправки, являлось самым крупным пресноводным озером на Юге и, несомненно, самым жутким, с первобытными топями, в которых стояла бурая вода.

Дом был ветхим, но чистым, с маленькой гостиной, двумя еще более скромными по размеру спальнями и старомодной кухней. Люси выбрала комнату с двумя кроватями. Оранжевые клетчатые обои отклеивались на швах и явно диссонировали с дешевыми стегаными покрывалами с фиолетовым и зеленым цветочным рисунком, но она была слишком рада наличию стены, разделявшей ее и Панду, чтобы переживать по этому поводу.

Люси переделалась в шорты и отправилась на кухню. Та была уставлена металлическими шкафами с потертыми столешницами, а пол покрывал серый линолеум. Окно над раковиной выходило на озеро, а ближайшая дверь открывалась на маленькую деревянную веранду, где стояли пластиковый стол, тканевые шезлонги, газовый гриль и кое-какие рыбацкие снасти.

Она застала Панду за созерцанием карликовых пальм, которые росли по берегу озера, ноги он закинул на перила веранды, держа в руке банку колы. По крайней мере он не заглотил очередную порцию из шести бутылок пива. Он не обращал на Люси внимания, пока она проверяла гриль, а потом изучала удочку. Его молчание ее раздражало.

– Здесь жарко, – наконец произнесла она.

Он отхлебнул колы, не потрудившись ответить. Она отвела глаза от отвратительной футболки, которую весь день старалась не замечать. Представления Панды о мужской элегантности ограничивались регулярным душем и чистыми джинсами. Ее сердце защемило при мысли о Теде, милом, нежном, спокойном женихе, которого она пустила под поезд.

– Зонтик от солнца пришелся бы весьма кстати, – заметила она.

В ответ – тишина.

Вдали она увидела надувную лодку, проглядывавшую сквозь заросли кипариса, опутанные бородачатым мхом.

– Если бы я была байкером, то придумала бы себе имя получше, чем Панда.

Вайпер.

Он смял в кулаке банку из-под колы и побрел с террасы на задний двор, забросив по пути банку в черный пластиковый мусорный бак. Когда он пошел к озеру, она рухнула на брошенный им стул. Тед был отличным собеседником и лучшим слушателем, которого она когда-либо знала. Он вел себя так, будто его завораживало все, что она говорила. Разумеется, он вел себя так со всеми, даже с сумасшедшими, но все же... Она никогда не видела, чтобы он проявлял нетерпение или несдержанность, никогда не слышала от него грубого слова. Он был добрый, терпеливый, заботливый, относился к ней с пониманием, и она все равно его бросила. Что это говорило о ней?

Она ногой подтянула к себе второй стул, грустнея с каждой минутой. Панда добрался до веранды. Перевернутое каноэ лежало на берегу, и скопы бороздили воду вокруг него. Он не сказал, сколько они пробудут в доме, лишь дал понять, что она может уехать, причем чем скорее, тем лучше. Но хотела ли этого она? Люси все больше убеждалась, что он умнее, чем пытается выглядеть в ее глазах, и не могла избавиться от опасений, что Панда передает информацию о ней в «желтую прессу». А если он догадался, что может заработать намного больше, чем тысячу долларов, продав ее историю?

Она спустилась по ступенькам к каноэ, где остановился он. Она потерла пяткой песок. Он даже не поднял голову. Люси пожалела, что не выбрала себе для путешествия компаньона, который не любил бы тягостную тишину и не лепил жуткие наклейки на бампер. Хотя она много о чем жалела. Например, о том, что могла бы выбрать более недостойного жениха, чтобы бросить его. Жениха, который сделал бы хоть что-то, что угодно, чтобы заслужить такой позор. Но Тед ничего подобного не сделал, и в душе Люси ненавидела его за то, что он был намного лучше ее.

Она не могла больше думать об этом.

– Я люблю рыбачить, – произнесла она. – Но всегда выпускала рыбу. Кроме того случая, когда участвовала в программе Аутворд Баунд⁶. Тогда я оставила рыбу, потому что...

– Мне это неинтересно. – Он выпрямился и одарил ее долгим взглядом, на этот раз не раздвигая глазами (он перестал так делать), а так, будто видел ее насквозь, включая те части тела, о существовании которых она не подозревала.

– Позвони Теду и извинись. Позвони родителям. Прошло три дня. Ты и так долго развлеклась. Богатенькой девушке пора возвращаться домой.

– Хватит с меня рассказней о богатеньких девушках.

– Я говорю то, что думаю.

– То, что хочешь думать.

Он на мгновение задержал на ней взгляд, и ей стало неуютно, потом кивнул на каноэ:

– Помоги мне спустить эту штуку на воду.

Они толкнули каноэ, и оно скользнуло в воду. Люси схватила одно из весел и, не дожидаясь приглашения, села в лодку. Панда надеялся, что она испугается, но взял другое весло и тоже сел в каноэ, причем так изящно, что оно почти не шелохнулось.

Весь следующий час они кружили по озеру, стараясь держаться подальше от водяных гиацинтов, которые росли на болотистых участках. Переплывая из одного уединенного рукава в другой под сенью зловещих кипарисов, поросших испанским мхом, они продолжали молчать. Она смотрела на него. Когда он греб, мышцы напрягались и футболка натягивалась на груди, так что надпись из черных букв еще больше бросалась в глаза. Этой футболки не было в числе его последних покупок, так что ее Панда, вероятно, привез с собой из Уайнета. Лучше бы она там и оставалась.

– Эти ужасные наклейки на бампере отвратительны, – сказала Люси. – Но по крайней мере издали их не видно.

Он смотрел на аллигатора, который нежился на солнце на дальнем берегу.

– Я же рассказывал тебе о наклейках.

Она повернулась на сиденье, положив весло на колени, предоставив ему возможность управлять лодкой.

– Ты сказал, что их наклеил предыдущий владелец мотоцикла. Так почему не разрешаешь снять их?

Он переместил весло на другую сторону.

– Потому что они мне нравятся.

Она нахмурилась при виде надписи на его футболке: «Это кажется извращением только в первый раз».

– Это был подарок, – сказал он.

– От сатаны?

Нечто похожее на улыбку мелькнуло на его лице, а потом исчезло.

– Если тебе что-то не нравится, ты знаешь, как можешь поступить. – Он снова повернул лодку, опасаясь водных гиацинтов.

⁶ Организация, устраивающая поездки на природу, часто предполагающие экстремальный отдых в лагерях.

– А что, если такую футболку увидит ребенок?

– Ты сегодня много детей видела? – Панда немного переместился на сиденье. – Я уже жалею, что потерял свою любимую футболку.

Она повернулась к носу каноэ.

– Даже слушать об этом не хочу.

– Там было написано: «Я поддерживаю однополые браки, если обе суки красивые».

Люси вышла из себя, и каноэ затряслось, когда она обернулась.

– Для тебя политкорректность – явно пустой звук, а для меня – нет. Можешь называть меня старомодной, но я думаю, что это действительно важно – уважать достоинство каждого.

Он вытащил весло из мутной воды.

– Черт возьми, жаль, я не взял ту, которую купил пару недель назад.

– Ужасная потеря, не сомневаюсь.

– Хочешь узнать, что там было написано?

– Нет.

– Там было написано... – Он наклонился к ней и заговорил протяжным шепотом, его слова разнеслись над водой. – «Если бы я пристрелил тебя, когда хотел, я бы уже стал счастливее».

Вот и поговорили.

Когда они вернулись в дом, Люси сделала себе бутерброд из того, что они купили, взяла старую книжку в мягкой обложке, которую кто-то забыл здесь, и заперлась в спальне. Одиночество обернулось вокруг нее, как тяжелое пальто. Предпринял ли Тед хоть что-нибудь, чтобы найти ее? Очевидно, нет, если учесть тот факт, что он не пытался остановить ее, когда она уходила из церкви. А что с родителями? Она дважды звонила Мег с телефона Панды, значит, агентам секретной службы не составило бы труда определить ее местонахождение.

Что, если Мег и Нили списали ее со счетов? Она повторяла себе, что они так не поступили бы.

Если только не испытывали к ней такое отвращение, что не хотели какое-то время общаться с ней.

Люси не могла их за это винить.

За последние несколько дней произошло нечто странное. Манеры Панды претерпели значительные изменения в лучшую сторону. Прежде всего она отметила отсутствие отрыжек, плевков и почесывания. Но только тогда, когда увидела, как аккуратно он отрезал кусок курицы, и, тщательно прожевав первый кусочек, попросил передать ему перец, она пришла в полное недоумение. Почему он больше не чавкает и не вытирает рот рукой вместо салфетки? Что касается намеков на близость... Похоже, он вообще перестал замечать, что она женщина.

Они отправились в городок Маршалл за бакалеей и другими продуктами. Она купила солнечные очки и ходила, опустив голову, с животом, который уже успела возненавидеть, но в обществе Панды никто не обращал на нее внимания.

Он хлопотал над своим мотоциклом, что-то подкручивал, перебирал детали. С обнаженным торсом и голубой банданой на голове, он что-то смазывал, полировал, проверял уровни жидкостей и менял тормозные колодки. Он ставил радио на подоконник и через открытое окно слушал хип-хоп, правда, однажды она вышла и услышала арию из «Волшебной флейты». Когда Люси высказалась на этот счет, он обвинил ее в том, что она испортила настройки, и попросил убрать эту чертову станцию. Периодически она видела, как Панда звонит кому-то по телефону, но он никогда не оставлял аппарат без присмотра, так что у нее не было возможности проверить журнал вызовов.

Ночью Люси запиралась в спальне, а он всегда ложился спать поздно: иногда смотрел по телевизору бейсбол, но чаще сидел на веранде, вглядываясь в темные воды озера. Оцепенение,

которое сковывало ее в первые дни, прошло, и она поймала себя на том, что следит за своим спутником.

Панда вдыхал мускусный запах озера полной грудью. У него было слишком много времени на раздумья, и слишком много воспоминаний нахлынуло на него разом, и с каждым днем гнев все сильнее разъедал его душу.

Он не рассчитывал, что ее хватит больше чем на пару часов. Однако по прошествии семи дней после того, как он подобрал ее, девушка еще была с ним. Почему она не могла поступить правильно? Вернуться в Уайнет или домой в Виргинию. Ему было все равно, куда Люси поедет, лишь бы здесь ее не было.

Он не мог ее понять. Она разгадала эту отвратительную сценку с фальшивым изнасилованием, которую он разыграл, и вела себя так, словно не слышала половины оскорблений в свой адрес. Она сохраняла спокойствие и удивительно умело контролировала себя. То, что она устроила в день свадьбы, было для нее выходящим из ряда вон поступком. И все же... За хорошими манерами он видел нечто более сложное. Она была умна, страшно проницательна и упряма как осел. Тени прошлого не висели над ней, как над ним. Он готов был поспорить, что Люси никогда не просыпалась с криками. И не напивалась до потери сознания. А в детстве...

В детстве ей удалось сделать то, что не удалось ему.

Пять сотен долларов. Это все, чего стоил его младший брат.

За криком какой-то болотной птицы он различил голос брата: они брели по разбитому асфальту в дом очередной приемной семьи, социальный работник взобрался на скрипящее крыльцо первым.

– Что, если я опять опишусь в кровати? – прошептал Кертис. – Ведь из-за этого нас выгнали в последний раз.

Панда и сам боялся, хотя и пытался изображать уверенность, ведь ему было всего пятнадцать.

– Не переживай, придурок. – Он ткнул Кертиса, как сосунка, в маленькое костлявое плечо. – Я встану посреди ночи и свожу тебя в туалет.

А что, если он не проснется, как это произошло на прошлой неделе? Он пообещал себе, что не уснет, до тех пор пока не сводит Кертиса в туалет, но все равно задремал, а на следующий день старая леди Гилберт сказала работникам социальной службы, что для Кертиса нужно подыскать другой дом.

Панда не мог допустить разлуки с младшим братом и сказал курировавшему их социальному работнику, что сбежит, если их разделят. Должно быть, она поверила, потому что нашла для них новый дом. Но предупредила его, что других семей, готовых взять их обоих, не осталось.

– Я боюсь, – прошептал Кертис, когда они добрались до крыльца. – А ты боишься?

– Я никогда не боюсь, – солгал он. – Чего тут бояться?

Как он ошибался.

Панда вглядывался в темную воду. Люси было четырнадцать, когда умерла ее мать. Если бы они с Кертисом попали в семью Мэтта и Нили, его брат был бы жив. Люси удалось то, что не смог сделать он, – она сохранила жизнь сестре, а Кертис лежал в могиле, в то время как сестра, которую защитила Люси, готовилась поступать в колледж.

Кертис связался с плохой компанией, когда ему было десять, и Панда мог бы это предотвратить, если бы не сидел в колонии для несовершеннолетних. Его слишком долго там держали, чтобы он успел попасть на похороны младшего брата.

Он отчаянно заморгал. Воспоминания о Кертисе вызывали другие воспоминания. Было бы легче не думать, если бы он мог отвлечься на музыку, но он не мог слушать столь драматичные произведения, как «Отелло», «Борис Годунов» и многие другие в присутствии Люси. Или кого бы то ни было еще.

Панда пожалел, что она сейчас не вышла из дома и не заговорила с ним. Он хотел, чтобы Люси была рядом. В то же время желал, чтобы она была как можно дальше от него. Он хотел, чтобы она ушла, хотел, чтобы осталась, хотел снять с нее одежду, от этого желания он избавиться не мог. Один день в ее обществе мог стать испытанием для любого мужчины, особенно для такого сладострастного ублюдка, как он.

Он потер переносицу, вытащил из кармана мобильник и отправился в ту часть дома, откуда она не смогла бы его услышать.

Панда по-прежнему принуждал ее к утренним пробежкам, и хотя она всегда отставала, он отказывался убежать вперед.

– Как только я скроюсь из вида, ты пойдешь пешком, – говорил он.

Действительно. Она любила гулять ради физической нагрузки и состояла в одном спортклубе, куда периодически навещалась.

– Когда это ты назначил себя моим личным тренером?

Он наказывал ее, прибавляя скорость. В конце концов, однако, он проявлял милосердие и замедлял бег.

Ее убежденность в том, что Панда все-таки не настолько одичавший, как пытался изобразить, росла вместе с любопытством, и она решилась на расспросы.

– Ты успел поговорить со своей девушкой, с тех пор как уехал оттуда, где был?

Фыркание.

– Где это, кстати?

– Где-то на севере.

– Колорадо? Ном?

– Тебе обязательно разговаривать?

– Ты женат? Разведен?

– Смотри, какая яма. Если сломаешь ногу, будешь выбирать сама.

Она набрала воздуха в пылающие легкие.

– Ты знаешь о моей жизни многое. Было бы справедливо, если бы я узнала кое-что о тебе.

Панда снова рванул вперед. В отличие от нее он не запыхался.

– Я никогда не был женат – больше ничего не скажу.

– Ты с кем-то встречаешься?

Он посмотрел на нее через плечо – сжалился наконец.

– А ты как думаешь?

– Я думаю, что из пула дамочек – борцов с аллигаторами сложновато выбрать себе пару, да?

Люси услышала какой-то звук: он либо развеселился, либо хотел дать понять, что уже наслушался глупых вопросов. Единственное, что удалось узнать, – это то, что он одинок, но он мог и соврать.

– Так странно, – произнесла она. – Как только мы приехали сюда, твои манеры значительно улучшились. Должно быть, это болотный воздух так повлиял.

Панда срезал путь, сбежав на другую сторону дороги.

– Но остается открытым следующий вопрос, – добавила она. – Зачем так мучиться со всеми этими плевками и почесыванием? Должна признать, меня это удивляет. Но ведь у тебя все равно это получается неестественно.

Она думала, что он проигнорирует вопрос, но нет.

– И что? Я заскучал, когда понял, что ты совершенно не в своем уме и тебя не запугаешь и не заставишь поступать как следует.

Никто никогда не говорил, что она не в своем уме, но поскольку оскорбление прозвучало из его уст, Люси не восприняла его серьезно.

– Ты надеялся, что, когда я увижу, как сильно ты отличаешься от Теда, то пойму, от чего отказалась и вернусь в Уайнет.

– Что-то вроде того. Тед – хороший парень, и он явно любил тебя. Я пытался оказать ему услугу. Я остановился, когда понял, что лучшая услуга, которую могу ему оказать, – это не дать тебе вернуться.

От такой правды ей стало больно, и дальше они бежали молча.

Когда они вернулись в дом, он стащил намокшую от пота футболку, схватил шланг и полил себя водой. Его волосы прилипли к шее и плечам длинными черными лентами; солнце залило лицо, когда он поднял голову, подставив ее под желтые лучи.

Наконец Панда отложил шланг и вытер грудь ладонью. Смуглая кожа, прямой нос и большие мокрые кулаки поразительно контрастировали с идеальной мужской красотой Теда. Возможно, Панда был не так брутален, как хотел показаться, но все же он совершенно не вписывался в рамки ее привычной жизни.

Люси осознала, что слишком долго разглядывает его, и отвернулась. Ее женское естество явно тянулось к нему. К счастью, ее женский мозг был немного умнее.

Один день сменялся другим, и вот уже прошла неделя с тех пор, как они приехали на озеро. Она плавала, читала или пекла хлеб – одно из немногих блюд, которые нравились ей на вкус. Она не делала лишь одного – не звонила Теду и своим родственникам.

Каждое утро после пробежки Панда появлялся на кухне с мокрыми после душа волосами, разглаженными на какое-то время кудрями, хотя она знала, что вскоре они возьмут свое. Вот он взял со стола пару первых теплых булочек, которые она только что достала из духовки, аккуратно разделил их пополам и намазал каждую половинку апельсиновым джемом.

– Тед знал, как ты хорошо печешь, когда позволил тебе уйти? – произнес он, проглотив второй кусок.

Люси отставила тарелку со своей булочкой, почувствовав, что уже сыта.

– Тед почти не ест углеводов. – Это была ложь, но ей не хотелось признавать, что так и не нашла времени испечь что-нибудь для жениха.

Она научилась готовить, будучи уже взрослой, под воронкообразными лампами, которые висели на кухне в Белом доме: именно там она спасалась, когда ссоры братьев и сестер начинали действовать на нервы. Там она брала уроки мастерства у лучших поваров страны, а теперь плоды этого обучения вместо Теда пожинал Панда.

Он закрыл банку с джемом.

– Тед из тех парней, что родились под счастливой звездой. Мозги, деньги, шик. – Он закинул банку в холодильник и захлопнул дверцу. – Пока весь остальной мир летит в тарта-рары, Тед Бодин находится в свободном плавании.

– Да, что ж, он попал в большую переделку в прошлые выходные, – произнесла она.

– Он уже это пережил.

Люси молилась, чтобы это было правдой.

У дома озеро Каддо было мелким, а его берег – болотистым, так что она не плавала там, но когда они были на озере, спускалась в воду с маленькой лодки, которая досталась им вместе с домом. Панда никогда не заходил в воду вместе с ней, и через восемь дней после приезда, то есть через одиннадцать дней после побега, она спросила его об этом, плавая около дрейфующей лодки.

– Странно, что такой суровый парень, как ты, боится заходить в воду.

– Я не умею плавать, – сказал он, поставив босую ногу на растрескавшийся борт лодки. – Я никогда этому не учился.

Она видела, как сильно ему нравится быть на воде, и подумала, что это странно. И почему он всегда в джинсах? Она перевернулась на спину и сделала еще один подход.

– Ты не хочешь, чтобы я видела твои худые ноги. Боишься, что я буду смеяться? – Как будто хоть какая-то часть его тела могла быть менее мускулистой...

– Мне нравятся джинсы, – сказал он.

Она села на край лодки и принялась болтать ногами в воде.

– Я не понимаю. Здесь безумно жарко, и ты постоянно снимаешь футболку, так почему бы не ходить в шортах?

– У меня шрамы. И хватит об этом.

Возможно, он говорил правду. Но Люси в этом сомневалась. Когда Панда откинулся на корму, солнце золотом заиграло на его смуглой, как у пирата, коже, а в прикрытых глазах виделась скорее апатия, чем угроза. Она с недовольством отметила, что к ней подступает очередная волна чего-то непонятного. Хотелось думать, что это лишь интерес, но в действительности это было нечто большее. Невольное возбуждение.

И что? Минуло почти четыре месяца, с тех пор как они с Тедом занимались любовью, а ведь она всего лишь человек. Поскольку Люси не собиралась поддаваться своим преступным желаниям, что тут плохого? И все же ей хотелось наказать его за то, что по его вине она думала о том, о чем не следовало.

– Странно, что у тебя нет татуировок. – Она прыгнула в воду и теперь барахталась у кормы. – Никаких танцующих обнаженных женщин на бицепсах, никаких неприличных слов на костяшках пальцев. И даже никакого омерзительного железного креста. Не боишься, что тебя выгонят из клуба байкеров?

Мерцающий свет, отражавшийся от воды, смягчил очертания его острых скул.

– Ненавижу иголки.

– Ты не плаваешь. Ты ненавидишь иголки. Ты боишься показывать ноги. Ты просто ужасен, да?

– Не тебе называть кого-то ужасным.

– Точно. Прими мои извинения. – Люси удалось изобразить нечто почти похожее на одну из его ухмылок.

– Когда ты собираешься позвонить родителям? – ни с того ни с сего спросил Панда.

Она нырнула и оставалась под водой, сколько могла.

– Мег дала им знать, что я в порядке, – произнесла она, хотя и знала, что это не то же самое, что позвонить домой самой.

Она скучала по перебранкам Шарлотт и Холли, по вечным драмам Трейси, бессвязным пересказам Андре последних фантастических романов, которые он прочитал. Она скучала по Нили и Мэтту, но мысль о том, чтобы позвонить им, парализовала ее. Что она могла сказать?

Панда не очень ласково помог ей забраться обратно в лодку. Ее дешевый закрытый купальник задрался, но он, похоже, не заметил этого. Он поднял откидной борт, и они поплыли назад, к причалу. Пока он глушил мотор, она собирала шлепанцы, но прежде чем успела вылезти из лодки, он сказал:

– Мне нужно возвращаться на работу. Завтра мы уезжаем.

Люси знала, что эта неопределенность не может длиться вечно, но пока не строила планов на будущее. Она просто не могла. Она была парализована, она застряла в промежуточном состоянии между сосредоточенным организованным человеком, которым была, и бесцельной смущенной женщиной, которой стала. Паника, всегда бродившая где-то рядом, охватила ее.

– Я не готова.

– Это твоя проблема. – Панда привязал лодку. – По дороге я высажу тебя в аэропорту Шривпорт.

Она сглотнула.

– Это не обязательно. Я могу остаться здесь.

– А зарабатывать как будешь?

На данный момент она должна была уже решить эту проблему, но так и не решила. Хотя ей не хотелось этого признавать, она не желала оставаться в доме одна. Удивительно, что одно только присутствие такого задумчивого и невероятно загадочного незнакомца умиротворяло ее. Намного больше, чем присутствие Теда, например. С Пандой ей не нужно было притворяться лучшей, чем есть на самом деле.

Он вышел из лодки.

– Вот что я тебе скажу. Если ты сегодня позвонишь родным, сможешь еще со мной покататься.

Она забралась на причал.

– Сколько?

– Пока не достанешь меня, – произнес Панда, привязывая лодку.

– Я так и до следующего города могу не добраться.

– Это лучшее, что я могу предложить. Подумай.

Люси была почти рада, что он заставляет ее сделать то, что ей следовало сделать с самого начала, и кивнула.

Тем вечером она приложила все усилия, чтобы как можно дольше не звонить им, придумывая себе самые разные дела, пока у него не лопнуло терпение.

– Позвони им.

– Позже, – произнесла Люси. – Сначала мне надо упаковать вещи.

Панда ухмыльнулся.

– Чушь собачья.

– Тебе-то что? Тебя это не касается.

– Еще как касается. Твоя мать была президентом. Это мой гражданский долг.

Она схватила телефон. Когда он набирал номер, она пожалела, что ни разу не смогла добраться до его телефона, пока он не видел. Даже когда уходила на веранду, он видел ее в окно.

Сердце Люси заколотилось, когда она услышала знакомый хриплый голос Мэтта. Она с трудом сдержала слезы.

– Папа...

– Люси! Ты в порядке?

– Вроде как. – Ее голос сорвался. – Прости. Ты знаешь, я ни в коем случае не хотела причинять боль тебе и маме.

– Мы это знаем, Люси, и мы любим тебя. И так будет всегда.

От его слов острый нож вины вонзался ей в сердце все глубже. Они дали ей все, не ожидая ничего взамен, и вот как она им отплатила. Она подавила в себе желание заплакать и произнесла:

– Я тоже люблю вас.

– Нужно сесть и обсудить, что случилось. Понять, почему ты чувствовала себя так, будто не можешь поговорить с нами об этом. Я хочу, чтобы ты вернулась домой.

– Я знаю. Как... как дети?

– Холли ночует у друзей, а Шарлотт учится играть на гитаре. Андре завел подружку, а Трейси очень зла на тебя. Что касается твоего деда... Можешь сама представить, как он это воспринял. Думаю, тебе стоит как следует выпить, прежде чем решишься ему позвонить. Но сначала ты должна поговорить с матерью. Может, тебе и тридцать один, но ты до сих пор часть нашей семьи.

Ничего хуже этих слов, чтобы она почувствовала себя еще отвратительнее, и придумать было нельзя.

– Люси? – Это была Нили. Отец передал ей телефон.

– Мне очень жаль, – быстро сказала Люси. – Правда.

– Ничего страшного, – тут же ответила мать. – Пусть ты уже взрослая. Но мы хотим, чтобы ты вернулась домой.

– Я... я не могу. – Она закусила губу. – Мой побег еще не закончен.

Единственная из всех людей на свете, Нили не могла с этим спорить и даже не пыталась.

– И когда, как ты думаешь, ты с этим покончишь?

– Я... точно не знаю.

– Дайте я поговорю с ней! – завизжала Трейси вдали.

Нили проговорила:

– Мы даже не подозревали, что ты так несчастна.

– А я и не была несчастна. Таких мыслей у меня и не было. Просто... я не могу объяснить.

– Жаль, что не можешь.

– Дайте мне телефон! – закричала Трейси.

– Обещай, что будешь звонить нам, – сказала ей мать. – И пообещай, что позвонишь дедушке.

Прежде чем Люси успела что-то пообещать, Трейси схватила телефон.

– Почему ты не позвала меня? Это все Мег виновата. Я ненавижу ее. Ты не должна была ее слушать. Она завидовала, потому что ты готовилась выйти замуж, а она – нет.

– Трейс, я знаю, что разочаровала тебя, но в этом виновата не Мег.

Ее маленькая сестренка Кнопка выросла и превратилась в вулкан страсти восемнадцати лет.

– Как можно любить кого-то и разлюбить через секунду?

– Это случилось не совсем так.

– Ты эгоистка. И глупая.

– Прости, что расстроила тебя. – Собрав остатки мужества, она поняла, что надолго ее не хватит, и решила с этим заканчивать. – Дашь трубку остальным?

За следующие десять минут Люси узнала, что Андре до сих пор общался по телефону с Тедом, что Холли пробуетеся на роль в одной пьесе, а Шарлотт освоила «Пьяного моряка» на гитаре. Каждый разговор ранил ее больше предыдущего. Лишь отключив трубку, она осознала, что все трое задали вопрос, который не решались озвучить ее родители: «Люси, где ты?»

Панда вышел за ней на веранду и забрал телефон, прежде чем она успела проверить журнал вызовов. Так он связывался с журналистами из «желтой прессы» или нет? Он исчез в доме, а когда она наконец вошла внутрь, он смотрел бейсбольный матч.

– Мне нужно сделать еще один звонок.

Он пристально посмотрел на нее.

– Телефон барахлит в последнее время. Дай мне номер, и я наберу его вместо тебя.

– Я сама справлюсь.

– Ты нервничаешь.

Пора прекращать эти игры.

– Я хочу посмотреть на твой телефон.

– Я знаю.

– Если тебе нечего скрывать, ты дашь мне его.

– Кто сказал, что мне нечего скрывать?

Он явно получал удовольствие, издеваясь над ней, и ей это не нравилось.

– Ты знаешь обо мне все, но я знаю о тебе не больше, чем одиннадцать дней назад. Я даже не знаю, как тебя зовут.

– Симпсон. Барт.

– Боишься, что увижу в списке быстрого набора номер «Нэшнл инквайрер»?

– Не увидишь.

– Значит, другую «желтую» газетенку? Или ты связался с каким-то из приличных изданий?

– Ты правда думаешь, что такой человек, как я, будет браться с прессой?

– Возможно. Ты понял, что я могу стать твоим счастливым билетом.

Он пожал плечами, вытянул ногу и выудил из кармана телефон.

– Развлекайся.

Тот факт, что Панда дал ей телефон, уже говорил о том, что никаких тайн она не обнаружит. И Люси оказалась права. Единственный звонок в журнале вызовов сделала она. Она бросила телефон ему в руки.

Когда она уходила, до нее донесся его голос, тихий и чуть хриплый.

– Я много чего вижу, но счастливым билетом ты мне точно не кажешься.

Люси не знала, что он имел в виду, но притворилась, как будто не слышит.

Панда выключил бейсбольный матч, который и так не смотрел, и вернулся на веранду. Пришла пора серьезно поговорить с самим собой. Как будто он занимался чем-то еще эти две недели.

«Будь лучшим в том, что хорошо тебе удастся». Эти слова всегда были его девизом. Будь лучшим в том, что хорошо тебе удастся, и не лезь в то, что у тебя не получается. А что на вершине этого списка? Эмоциональное дерьмо.

Однако любой мужчина сошел бы с ума, если бы его надолго заперли с ней наедине. В этих шортах и футболках она смотрелась, как чертовски прекрасная пятнадцатилетняя девушка, и от этого его могло бы вывернуть наизнанку, но не выворачивало, потому что ей было не пятнадцать.

Он оказался в западне из возбуждения, негодования и страха. Он вглядывался в ночь, пытаясь не поддаваться обуявшим его чувствам. И проигрывал эту битву.

Люси рассматривала вспучившиеся обои у себя в спальне. Они уезжали на следующее утро, а Панда оставался для нее таким же загадочным, как и в тот день, когда она впервые села на его мотоцикл. Она даже не знала его настоящего имени. И что самое важное, она не знала, продавал он ее или нет.

Она так и не поужинала, поэтому отправилась на кухню приготовить себе кашу. В окно она увидела Панду, который опять сидел на веранде и смотрел на озеро. Она недоумевала, о чем он может думать.

Она положила в миску хлопья «Спешл Кей» и отнесла их в гостиную. По телевизору с приглушенным звуком шел «Американский президент». Она уже почти села, когда заметила нечто похожее на визитку, торчавшее из-под диванной подушки. Она вытащила карточку.

«ПАРОМ ЧЕРИТИ-АЙЛЕНД

ПОСТОЯННЫЙ ПРОПУСК

№ 3583

Здесь начинается ваше настоящее Мичиганское приключение».

Выпала ли карточка из кошелька Панды, или ее обронил предыдущий жилец? Есть только один способ узнать. Она положила карточку обратно под диванную подушку, оставив точно там, где ее нашла.

На следующее утро она исчезла.

Глава 5

Наконец Люси узнала о Панде что-то из того, что он не хотел рассказывать. При этом она должна была почувствовать себя лучше, но ей не хотелось покидать озеро Каддо, поэтому она пребывала в угрюмом расположении духа в день отъезда. Она убедила его остановиться в Тексаркане, где, водрузив на место живот, демонстративно купила себе личный предоплаченный телефон. И велела ему внести его с таблицу расходов.

Как только они пересекли границу Арканзаса, им пришлось остановиться в тоннеле, чтобы переждать сильный ливень. Люси спросила Панду, куда они держат путь, не надеясь на ответ. Но он ответил:

– К вечеру мы должны быть у Мемфиса.

На его мотоцикле висели техасские номера, он отдыхал на границе Луизианы, они направлялись в Теннесси, и у него был проездной билет на паром на какой-то остров в Мичигане. Так делают все строители, переезжающие с места на место, или это стиль жизни странника? Жаль, она не так же загадочна, но сложно хранить секреты, когда вся твоя жизнь выставлена напоказ еще с юных лет.

На ночь они остановились в захолустном мотеле в Арканзасе близ границы с Теннесси. Она оглядела крашенные стены из шлакоблоков и уродливые красновато-коричневые покрывала.

– Уверена, где-то неподалеку есть «Хаятт».

Он с размаху опустил рюкзак на кровать, ближайшую к двери.

– Мне нравится. У него есть свой характер.

– Характерные особенности. Будем считать, что нам повезло, если наркодилеры, которые шныряют вокруг, не ворвутся и не убьют нас во сне.

– Именно по этой причине тебе нельзя жить в отдельном номере.

– Мне нельзя жить в отдельном номере по той причине, что тебе нравится все усложнять.

– Правда твоя. – Панда вскинул голову и одарил ее расчетливой байкерской ухмылкой. – К тому же это повышает шансы на то, что я увижу тебя голой.

– Что ж, желаю в этом удачи. – Люси схватила шорты от пижамы и футболку, которую они купили на озере Каддо, и направилась в ванную. Закрывшись, сделала глубокий вдох. Она и так достаточно возбудилась после того, как весь день просидела, прижавшись к его спине на огромном вибрировавшем мотоцикле. Искушать ее явно не стоило.

Хрупкая душевая кабинка была чуть больше телефонной будки, и при каждом движении она упиралась локтем в пластиковые панели. Она попыталась представить, как Панда втискивает свое тело в столь маленькое пространство. Свое обнаженное тело.

Люси убрала руки от груди, которую намыливала слишком долго. Она всего лишь женщина. Она не могла ничего поделать с тем, что Панда будоражил ее основные инстинкты. В нем было что-то животное. Земной и чувственный, он состоял из мускулистой плоти. Создан для секса. Это было бы жестко и грязно и так отличалось бы от секса с Тедом, который являл собой золотой стандарт мужской эротичности – безупречный, неутомимый любовник, отдающий себя женщине без остатка.

Только сейчас она стала понимать, насколько давила на нее такая самоотверженность. Она хотела отдавать то же, что получала, но то, что она получала, было настолько идеальным, что она понятия не имела, как вернуть это в той же мере, и это мешало ей полностью раскрыться. Люси переживала, что стонет слишком громко, двигается слишком неуклюже, ласкает слишком неуверенно, слишком грубо и не там, где следует. Что, если ей требовалось слишком много времени, чтобы кончить, или у нее пахло изо рта, или ее бедра слишком тряслись? Что, если она портила воздух?

С Пандой все было бы совсем иначе, так легко. Он думал бы только о себе. И какое ему было дело, что делала она или что он об этом думал? Она могла отвечать или не отвечать, как бы себя ни чувствовала. Ей не пришлось бы волноваться о том, как ее слова, действия, стоны – или их отсутствие – повлияют на него.

Мысль о том, чтобы получить то, что она хочет от мужчины, которого не интересует ничего, кроме доступа к женскому телу, завораживала ее. В старших классах школы и колледже она фантазировала о тех диких мужчинах, которых иногда встречала: сын богатой светской львицы, который удваивал свой доход, продавая наркотики, член университетской баскетбольной команды с широкой улыбкой, который жульничал на экзаменах, парни с самоуверенной походкой и сигаретой, торчащей в зубах, те самые, которые ездили слишком быстро, пили слишком много, работали руками, а не головой. А теперь – Панда.

Как он отреагировал бы, если бы она вышла обнаженная? Вряд ли он отвернулся бы.

Поездка почти закончилась. Люси понимала это, хоть он и не озвучил точных сроков. В любой день он может бросить ее. Разве у нее еще будет более подходящая возможность для свободного, грязного, ни к чему не обязывающего секса? Такой шанс выпадает раз в жизни. Неужели она просто упустит его?!

Две недели назад она была помолвлена с другим мужчиной, мужчиной, которого любила любовью во всех ее проявлениях. Запрыгнуть в постель к Панде сейчас было бы просто невыносимо.

И все же эта мысль не так уж и пугала Люси.

Она почувствовала иррациональное желание обсудить это с Тедом. Он всегда мыслил трезво, а она сейчас не могла ничего оценить объективно.

Даже вытираясь, она думала об этом. Она знала, чего хотела. И не знала, чего хотела. Наконец решилась на трусливый компромисс. Она завернулась в ветхое полотенце, открыла дверь ванной и сказала:

– Не смотри.

Он посмотрел. И даже не попытался скрыть, что разглядывает ее так, что ее бросило в жар. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем он сказал:

– Ты в этом уверена?

Никаких игр. Сразу к делу. Настоящий Панда.

– Нет.

– Ты должна быть точно уверена.

– Я не уверена.

Он думал над ее словами чуть дольше, чем Люси ожидала. Наконец он встал с постели и стянул с себя футболку.

– Мне нужно принять душ. Если это полотенце еще будет на тебе, когда я выйду, забудь.

Ей это не понравилось. Не тот факт, что он собирался принять душ – она прекрасно знала, как сильно они взмокли после долгой поездки, – а то, что у нее было больше времени на раздумья, чем она рассчитывала. Это лучший способ забыть Теда? Или худший?

Дверь ванной захлопнулась. Телефон он оставил в комнате, значит, точно почистил журнал звонков. Она набрала номер.

– Мег...

– Люси? Солнышко, с тобой все хорошо?

– Я... в порядке.

– Почему ты говоришь шепотом?

– Потому что... – Люси замялась. – Я не буду выглядеть как гулящая девка, если пересплю с другим парнем прямо сейчас? Скажем, через десять минут?

– Не знаю, возможно.

– Так я и думала.

– Он тебе нравится?
– Вроде как. Он, конечно, не Тед Бодин, но...
– Тогда ты определенно должна с ним переспать.
– Я хочу, но...
– Побудь гулящей девкой, Люси. Это пойдет тебе на пользу.
– Наверное, если бы я в самом деле хотела, чтобы меня от этого отговорили, я позвонила бы кому-то другому.

– Что ж, это о многом говорит.
– Ты права. – В ванной закрыли кран. Панда принял самый быстрый душ за всю историю их общения. – Мне надо идти, – поспешно сказала она. – Позвоню, как смогу. Люблю тебя. – Она повесила трубку.

Дверь ванной открылась. Теперь они оба были завернуты в ветхие полотенца, и полотенце Панды спустилось так низко, что она видела весь его пресс... и бугорок снизу.

Он держал одежду в руке, мокрые волосы спутались, тонкие губы вытянулись в улыбке, больше походившей на ухмылку. Вода каплями блестела на груди и обнаженных ногах, на которых, как ни странно, не обнаружилось ни одного неэстетичного шрама. К тому же Люси удивилась, насколько он загорелый, учитывая тот факт, как мало времени они проводили на солнце. Еще больше ее удивляло то, что он находился в паршивом расположении духа для мужчины, которому вот-вот повезет.

Он кивнул на ее полотенце.

– Я все еще думаю, – заявила она.

– Нет. Не думаешь. Ты все решила. – Он вытащил из кармана джинсов кошелек, открыл его и достал презерватив. – У меня с собой только один, поэтому, надеюсь, ты покажешь себя во всей красе.

– Возможно, да, возможно, нет, – сказала она. – Все зависит от моего настроения. – Его слова еще больше раззадоривали ее.

Он бросил одежду, подошел к ней и просунул указательный палец под материю между ее грудями. Одним движением сорвал полотенце, и оно полетело на пол.

– Пришло время вкусить запретный плод, – прохрипел он так, что Люси едва разобрала слова.

Что было запретным плодом? Она или он? Она не хотела думать, только чувствовать. Он наклонил голову к ее плечу, но она не собиралась и дальше оставаться единственным обнаженным человеком в этой комнате и стянула полотенце с него. Оно упало к ногам, и их тела соприкоснулись. Его губы дотронулись до ключицы. Он легонько ущипнул ее. Перешел к шее. Он не брился, и щетина легонько царапала ее кожу, так что по телу бежали мурашки.

Сегодня она несколько часов провела, прижавшись к его телу, и теперь, когда решила заняться с ним любовью, хотела почувствовать его в полной мере. Она распластала руки на его груди. Он задержался у мочки ее уха. Она не хотела, чтобы он целовал ее, и отвернулась, прежде чем он добрался до губ. Так Люси подставила ему шею, и он с радостью откликнулся на ее приглашение.

Вскоре его ладонь скользнула к ее груди, и большой палец оказался на соске. Кровь пульсировала в венах. Он осторожно щипнул ее, и она ответила тем же. Он задышал чаще, она – тоже. Он обхватил ее ягодицы, поднял и понес в постель, которую она выбрала для себя. Никаких поцелуев. Никаких лишних ласк. Ничего, что могло бы напомнить ей о Теде.

Одной рукой Панда сдернул покрывало. Когда они упали на простыни, она случайно оцарапала его. Ей было все равно. Люси погрузила руки в его кудрявую гриву и потянула за волосы просто потому, что ей этого хотелось.

– Больно.

– Молчать! – твердо произнесла она.

– Любишь грубый секс, не так ли?

Да. Сейчас ей было нужно именно это. Никакого внимания или уважения. Никаких нежных ласк.

Она просунула руку между ног и сжала его плоть. Не так сильно, чтобы сделать больно. Но достаточно, чтобы он ощутил собственную уязвимость.

– Поосторожнее, – произнес Панда.

– Сам поосторожнее, – огрызнулась она.

Он навис над ней, и тонкие губы изогнулись в нервной улыбке.

– Да ты как сундук с сюрпризами... – И с этими словами прижал ее запястья к кровати и притиснул ее к матрасу своим телом.

Ее охватила дрожь возбуждения.

Он провел небритым подбородком по ее соску. От приятно болезненного ощущения она судорожно вздохнула. Он сделал это снова. Она извернулась под ним, раскрывшись во всей своей уязвимости.

– Я надеялся на небольшую прелюдию, – он зубами разорвал фольгу, в которую был упакован презерватив, – но если ты хочешь этого...

Она и подумать не могла, что презерватив можно надеть так быстро. Он снова схватил ее за запястья. Одним мощным рывком он вошел в нее.

Она выдохнула. Ее ноги раздвинулись. Он не дал ей времени привыкнуть и сразу взялся за дело. Он был беспощаден. Лишь глубокие мощные фрикции сотрясали все ее тело. Движения, которые требовали от нее лишь одного – подчинения, а она не хотела уступать просто так. Она уперлась пятками в его икры. Дернулась под ним. Его зубы сверкнули, когда он улыбнулся.

Вскоре у Панды на лбу заблестел пот, но он продолжал, отказываясь сдаваться до того, как она испытает наслаждение.

Но Люси не собиралась кончать первой. Она могла бы держаться вечно. Лучше она умрет, чем позволит ему выиграть эту битву, которая, как и многие другие, потеряла бы всякий смысл. Его темные глаза остекленели. Тело отяжелело. Стон сорвался с ее губ. Потом это произошло еще раз. Его хватка чуть ослабла. Она положила ладони ему на бока. Вонзила ногти в кожу. Она ничего не была ему должна.

И, зная это, отдавала ему все.

В тот самый момент он проиграл это сражение.

Его спина изогнулась, плечи взмыли вверх, бедра дернулись. Шквал. Конвульсии. Потоп.

– Хочешь пива? – спросил Панда позже, не глядя на нее, как самый настоящий неандерталец.

– Нет. Хочу спать. В одиночестве. – Люси указала на другую постель, как бы грубо это ни выглядело.

Казалось, ему было все равно.

На следующее утро ее разбудил скрип двери. Она заставила себя открыть глаза. На пороге стоял Панда с двумя стаканами кофе, которые он, должно быть, раздобыл у портье. Ощущать себя гулящей девкой было в новинку, и утром следующего дня это казалось не так весело, как накануне. Ей хотелось натянуть простыню на голову и попросить его уйти. Она оставила простыню там, где она была, и попыталась изобразить недовольство.

– Я хочу кофе из «Старбакса».

– побыстрее одевайся. – Он поставил стакан на комод.

Притворяясь, будто накануне вечером ничего не произошло, Люси чувствовала себя только хуже.

– Считается, что секс улучшает настроение. Что же с тобой произошло?

– Реальная жизнь. – Ответ был таким же колючим, как и его щетина. – Я подожду тебя снаружи.

Не слишком он вежлив, но ей-то какое дело? Она порвала еще одно звено (последнее?) в цепи, связывавшей ее с Тедом. Он больше не был последним мужчиной, с которым она переспала.

Панда нетерпеливо мялся у мотоцикла, держа шлем в одной руке, стакан с кофе – в другой, когда она вышла из номера мотеля. После ночной грозы воздух отяжелел от влажности, но Люси сомневалась, что именно из-за этого он напоминал бомбу, которая вот-вот взорвется. Пытаться набраться наглости и храбрости, которой она обладала в четырнадцатилетнем возрасте (когда еще была девственницей), сейчас не имело смысла, но как насчет Вайпер, ее альтер-эго – девушки-байкера? Ее глаза сузились.

– Остынь, чувак.

О Боже! Неужели она и правда это сказала?

Он ухмыльнулся и бросил стакан в набитый доверху мусорный бак.

– Минуту две недели, Люси. Время вышло.

– Не для меня, малыш. Я только вошла во вкус.

Она удивила его не меньше, чем саму себя.

– Что бы ты ни делала и как бы это ни выглядело в твоих глазах, – свирепо глядя на нее, произнес Панда, – остановись.

Она вырвала у него шлем.

– Может быть, тебе и хочется стоять здесь весь день и разговаривать. А я хочу покататься.

Люси застегнула шлем, он пробормотал что-то себе под нос, и они выехали. Вскоре они пересекли границу штата Арканзас и добрались до пригородов Мемфиса. До прошедшего дня Панда старался держаться подальше от скоростных дорог, но не сегодня. Он пронесся мимо таблички «Грейсленд»⁷, перестроился на другую полосу и влился в поток на еще одной трассе. Через некоторое время он съехал с шоссе. Вся радость по поводу ее дерзкого поведения улетучилась, когда она увидела щит с надписью «Международный аэропорт, г. Мемфис».

Она почесалась и крикнула:

– Куда это ты едешь?

Он не ответил.

Но она знала, и масштабы его предательства были так велики, что она не могла с этим смириться.

Панда притормозил недалеко от зоны вылета и припарковался между двумя внедорожниками.

– Конец путешествию.

Он произнес это так, будто для него это ничего не значило, будто она могла просто спрыгнуть с мотоцикла, пожать ему руку и исчезнуть. Люси не шевельнулась, и он взял бразды правления в свои руки. Он схватил ее за руку, и секундой позже она осознала, что они стоят рядом с мотоциклом.

– Тебе пора домой. – Он расстегнул ее шлем, стянул с головы и прикрепил к мотоциклу.

Ее легкие сжались. Вот как чувствовал себя Тед. Ослепший и обманутый.

– Это мне решать, – заявила она.

Вместо ответа он отстегнул ее рюкзак и поставил на тротуар. Открыл одну из боковых сумок, вытащил оттуда конверт и вложил ей в руку.

– Все, что тебе нужно, здесь.

Она уставилась на своего спутника.

⁷ Знаменитое поместье Элвиса Пресли.

– Прошло две недели, Люси. Две недели. Ты понимаешь, что я говорю? Меня ждет другая работа.

Она не могла и не желала понимать, что он имеет в виду.

Панда стоял перед Люси. Отстраненный. Равнодушный. Быть может, ему даже было скучно. Очередная женщина. Очередное тело. Очередная работа.

«БЕНЗИН, ТРАВА ИЛИ ЗАДНИЦА. НИКТО НЕ ПОЕДЕТ БЕСПЛАТНО».

А потом что-то изменилось. Между его темными бровями появилась маленькая складочка. Веки опустились, а когда он снова поднял на нее глаза, она увидела все, что мужчина, которого она знала как Панду, так тщательно пытался скрыть. Она разглядела интеллект, который он изо всех сил прятал. Она увидела боль и сомнения, быть может, даже раскаяние. И почувствовала изголодавшуюся душу, которая явно не выносила футболки с оскорбительными надписями и неприличные наклейки.

Он едва заметно покачал головой, будто хотел стряхнуть это болезненное состояние. Но похоже, это не удалось, потому что он поднял руки и обхватил ее лицо своими большими ладонями, касаясь легко, как бабочка, а в холодных голубых глазах засветились нежность и беспокойство. Он наклонился и сделал то, что она не позволила сделать прошедшей ночью. Он поцеловал ее. Сначала осторожно, а потом уже более настойчиво, жадно впиваясь в губы и продолжая держать ее лицо в своих ладонях, будто хотел защитить.

Он целовал ее так, будто не мог насытиться. И потом отпустил без предупреждения, отвернувшись прежде, чем она смогла остановить его. Он оседлал мотоцикл и завел мотор. Через мгновение Панда с ревом умчался на разбитой «ямахе-уорриор» в наклейках, которые больше не вписывались в образ человека, которого, как ей казалось, она знала.

После того как он уехал, она еще долго стояла на тротуаре. Сердце бешено стучало, рюкзак лежал у ног. Проезжали маршрутные автобусы. Останавливались такси. Наконец ее взгляд упал на конверт, который он ей вручил. Люси открыла его и посмотрела внутрь.

Водительские права. Ее кредитки. И указания, как найти офис Службы безопасности в здании аэропорта, где ее будут ждать, чтобы отвезти обратно в Вашингтон.

Перед ней предстало доказательство удивительной удушающей любви ее родителей. Она знала, что они могут найти ее, если захотят. Теперь она понимала, почему они не стали этого делать. Потому что они с самого начала знали, где она. Потому что они наняли телохранителя.

«Две недели, Люси».

Она должна была понять, что они так и поступят. За долгие годы была пара случаев, когда люди проявляли к ней агрессию. Несколько писем с угрозами... Как-то раз на нее напали. Ничего серьезного, но родители насторожились. После того как она лишилась собственного наряда секретной службы, они, несмотря на ее возражения, нанимали частных охранников для работы на крупных мероприятиях, где к ней было приковано всеобщее внимание. Неужели она действительно подумала, что они позволят провести свадебную церемонию без подстраховки? Родители платили Панде с самого начала. Краткосрочный контракт был продлен на две недели, после того как она сбежала. Две недели. Достаточно долго, для того чтобы улеглись сплетни о происшедшем и чтобы они хоть как-то смирились с ее решением. Две недели. И время вышло.

Она взяла рюкзак, надела кепку и солнечные очки и направилась к терминалу. Она поставила, как они сказали: «Пусть делает что хочет. Главное, обеспечьте ее безопасность».

Теперь она поняла, на что следовало обратить внимание с самого начала. Он никогда не оставлял ее в одиночестве. Он даже на лодке ни разу не плавал в одиночестве. Он караулил ее, когда они ходили по магазинам, а в ресторанах всегда стоял у двери, когда она выходила из туалета. Что касается мотелей... Он настаивал на одной комнате, потому что охранял ее. А когда пытался запугать и отправить домой, он всего лишь выполнял свою работу. Учитывая, сколько стоили услуги личного телохранителя, должно быть, он страшно развеселился, когда она предложила заплатить тысячу долларов.

Она остановилась у скамейки в терминале, ее обуревали грустные мысли. Вчера Панда еще и удовольствие получил от работы. Возможно, секс входил в спектр услуг, которые он обычно оказывал клиентам женского пола, – небольшой бонус, чтобы его было за что вспомнить.

Если она в ближайшее время не доберется до офиса службы безопасности, ее начнут искать. Возможно, уже начали. Но Люси не могла сдвинуться с места. На нее нахлынули воспоминания об этом поцелуе, буря эмоций, которую она видела в его глазах. Сейчас ей хотелось чувствовать только гнев, а не мучиться неопределенностью: «Почему у меня был такой обеспокоенный вид? Такой уязвимый?» Почему она увидела, что он испытывает нечто более глубокое, чем плотское желание?

Это была всего лишь игра света.

Люси вспомнила, как он обнял ладонями ее лицо, поцеловал. Его нежность...

Сплошной самообман. Она ничего о нем не знала.

Так почему возникло такое чувство, будто она знала все?

Ему следовало рассказать ей правду. Независимо от того, что он пообещал ее родственникам, он должен был поговорить с ней откровенно. Но это предполагало прямолинейное поведение, на которое он был неспособен.

Если не считать того, что сейчас, когда они стояли у тротуара, Панда сказал ей правду взглядом. Этот последний поцелуй доказал, что последние две недели значили для него больше, чем просто чек на кругленькую сумму.

Люси схватила рюкзак и прошла в дверь точно так же, как сбежала с собственной свадьбы.

Через час она уехала из Мемфиса в арендованном автомобиле «ниссан-центра». Сотрудник компании, сдающей автомобили в аренду, не вспомнил ее, когда она подала права, но он и с компьютером-то едва управлялся, и она знала: на такую удачу больше рассчитывать не приходится.

Она бросила взгляд на карту, разложенную на сиденье. Поверх нее лежал телефон, с которого только что было отправлено сообщение родственникам.

«Вернуться домой пока не готова».

Глава 6

Люси решила переночевать в «Хэмптон Инн» в центральном Иллинойсе. Она зарегистрировалась под вымышленным именем и расплатилась наличными, сняв их в банкомате по карте. Она не сомневалась, что родители могут следить, когда и где она пользовалась картой. Добравшись до номера, с отвращением избавилась от фальшивого живота, бросив его в мусорную корзину и распаковала вещи, купленные по дороге в гостиницу.

Мысль сменить облик пришла ей в голову на заправке на границе Кентукки: там Люси увидела двух девушек-готовок в обшарпанной «шевроле-кавалер». При виде их мрачного макияжа и диких причесок она ощутила неожиданный укол зависти – чувство, знакомое со школьных времен, когда в коридорах школы встречались представительницы разных субкультур. Что, если...

Мэтт и Нили никогда не предъявляли к ней более строгих требований, чем к ее ровесникам. Но даже до того неприятного случая с распитием спиртного на вечеринке она сдерживала себя и не делала пирсинга, не носила броскую одежду и не общалась с детьми из менее благополучных семей. Лучше было бы ей делать все это в те времена. Но не сейчас.

Она изучила инструкции и взялась за работу.

Несмотря на поздний отход ко сну, Люси проснулась рано, в животе урчало от волнения. Ей нужно было отправиться домой. Или, быть может, на Запад. Возможно, пуститься за просветлением в одно из тех загадочных путешествий вдоль остатков Шоссе 66. Ее психика еще недостаточно окрепла, чтобы она могла заняться разгадкой тайн угрюмого скрытного телохранителя. И действительно ли она верила, что, поняв его, сможет разобраться в себе?

Люси не могла ответить на этот вопрос, поэтому вылезла из кровати, быстро приняла душ и надела купленные накануне вещи. Истекающая кровью красная роза, которая украшала ее обтягивающий черный топ без рукавов, совершенно диссонировала с короткой пышной юбкой цвета лайма с поясом из черных кожаных полосок с парой пряжек. Она сменила кроссовки на черные армейские ботинки и, не особенно стараясь, покрыла ногти черным лаком.

Но больше всего изменилась ее прическа. Она покрасила волосы в угольно-черный цвет. Потом, следуя инструкции на баночке со специальным воском, скрутила из прядей полдюжины дредов, которые затем обрызгала оранжевым спреем. После этого жирно подвела карандашом веки и вставила в нос кольцо. Из зеркала на Люси смотрела воинственного вида восемнадцатилетняя девица. Девица, которая не походила на профессиональную лоббистку и сбежавшую невесту.

Позже, направляясь к парковке, она притворялась, будто не замечает косых взглядов других постояльцев. К тому времени как она задним ходом вырулила со стоянки, у нее страшно зачесались ноги от синтетической юбки. Ботинки нестерпимо жали, да и макияж оказался тяжеловат, но это не мешало ей расслабиться.

Байкерша Вайпер.

Панда отправился на утреннюю пробежку вдоль озера. Обычно созерцание небоскребов Чикаго помогало ему прочистить мозги, но сегодня этого не произошло.

Две мили превратились в три. Три – в четыре. Он вытер лоб намокшей от пота футболкой. Он вернулся туда, где должен был находиться, но после тишины Каддо город казался слишком шумным и слишком суетливым.

Пара отдыхающих идиотов на роликах перекрыла ему дорогу. Он отступил на траву, чтобы обогнуть их, потом вернулся на тротуар.

Люси – умная женщина. Она могла бы обо всем догадаться. Но не догадалась, однако это не его вина. Он сделал все, что от него требовалось.

За свою жизнь он причинил боль многим людям. Но теперь, когда знал, что переступил черту и сделал несчастным еще одного человека, понимал, что не сможет себе этого простить.

Мимо пронесся мотоциклист. Панда побежал быстрее, жалея, что не может обогнать сам себя.

Внезапно раздался взрыв, и по воздуху разнесся грохот. Он спрыгнул с тропинки и упал на землю. Гравий оцарапал подбородок и впился в руки. Сердце бешено колотилось, а в ушах стоял гул.

Он медленно поднял голову. Огляделся.

Не было никакого взрыва. Этот звук вырвался из выхлопной трубы древней газонокосилки.

Мужчина, гулявший с собакой, остановился и уставился на него. Бежавший мимо незнакомец чуть сбросил скорость. Газонокосилка исчезла из виду, оставив за собой удушливый шлейф, который повис над Лейк-Шор-драйв.

Дерьмо. С ним давно этого не случалось, но вот после двух недель в обществе Люси Джорик снова вернулось. Он лежал на земле. Во рту была земля. В следующий раз ему будет что вспомнить, когда он попытается забыть, кто он и где бывал.

Пролетая милью за милей, Люси продолжала смотреться в зеркало, разглядывая яркий макияж, черные как смоль волосы с оранжевыми дредами. Настроение улучшалось. Но готова ли она продолжать в том же духе? Даже Тед, который так хорошо во всем разбирался, не смог бы объяснить, что произошло. Она тоже не могла, однако ей определенно нравилось ощущение новизны, будто она сменила кожу.

Вскоре, покинув Иллинойс, она отправилась в Мичиган. Простит ли ее Тед когда-нибудь? А семья? Есть ли в жизни нечто, что нельзя простить?

У города Кадиллак она съехала с трассы на второстепенную дорогу, которая вела в северо-западный Мичиган. К вечеру Люси уже стояла в очереди из полудюжины машин, чтобы попасть на последний паром до Черити-Айленд – местечка, которое она с трудом нашла на карте. Ее мышцы гудели от напряжения, глаза чесались, а хорошее настроение улетучивалось на глазах. То, что она творила, было настоящим безумием, но она понимала: если не пойдет до конца, то всю оставшуюся жизнь будет мучиться мыслями о Панде, его поцелует и том, почему легла в постель с малознакомым человеком и сбежала от мужчины, который оказался слишком хорош для нее. Решение отправиться в эту поездку было не самым логичным, но в последние дни она все равно вела себя странно и ничего лучше придумать не смогла.

Старый паром, черный с желтыми полосками, как на скоростных шоссе, источал запах плесени, подгнивших веревок и отработанного топлива. Вместе с ней на борт зашла дюжина пассажиров. Один из них, паренек из колледжа, с рюкзаком, попытался завязать разговор, поинтересовавшись, в какой школе она училась. Люси сказала, что вылетела из средней школы Мемфиса, и ушла, топая тяжелыми армейскими ботинками по палубе.

Она так и осталась в носовой части корабля, наблюдая, как очертания острова становятся все отчетливее в меркнущем свете. Он напоминал лежащую собаку: голова на одном конце, бухта – там, где должен быть живот, маяк – на месте хвоста, в противоположной стороне. Если верить брошюре для туристов, остров на пятнадцать миль вдавался в озеро Мичиган. Он простирался на десять миль в длину и две – в ширину, и постоянно на нем жили триста человек, а летом число жителей увеличивалось до нескольких тысяч. По утверждению местной торговой палаты, Черити-Айленд мог предложить туристам уединенные пляжи, девственные леса, условия для рыбалки и охоты, а также катания на лыжах по пересеченной местности и езды на снегоходе. Она же ехала туда только с одной целью – найти ответы на свои вопросы.

Паром подошел к пристани. Люси спустилась в трюм за арендованной машиной. У нее по всей стране, по всему миру были друзья, у которых она могла бы остановиться. А она приехала

сюда и готовилась ступить на остров на Великих озерах, вдохновившись одним прощальным поцелуем и постоянным пропуском на паром. Она вытащила ключ зажигания из рюкзака и сказала себе, что все равно заняться нечем, хотя это не совсем соответствовало действительности. Ей нужно было кое с чем разобраться, начать новую жизнь, но поскольку она не знала, как сделать либо то, либо другое, она оказалась там, где оказалась.

В гавани теснились рыбацкие лодки, скромные прогулочные катера, а у небольшой баржи стоял на якоре древний буксир. Она съехала с пристани на усыпанную гравием парковку, отмеченную табличкой «Городской причал». Вдоль двухполосной главной улицы с оптимистичным названием бульвар Бичкоумер тянулись самые разные магазины: некоторые – выдавшие виды, другие – пестрившие яркими цветами и вычурными витринами для привлечения туристов, такими как «Джерри'с трейдинг пост», «Маккинлиз маркет», несколько ресторанов, пара лавок с фальсифицированным товаром, банк и пожарная станция. Щиты, которые возвышались по обе стороны дороги, рекламировали услуги проводников для рыбалки, а «Магазин Джека для дайверов» приглашал посетителей исследовать места ближайших кораблекрушений.

Теперь, оказавшись здесь, она не представляла, куда отправиться. Люси заехала на парковку у бара под названием «Песочник». Оказавшись внутри, без труда смогла отличить местных от загорелых туристов, имевших вид людей, которые слишком много успели за один день. В то время как они кучковались вокруг маленьких деревянных столов, аборигены сидели у бара.

Она подошла к бармену, который подозрительно оглядел незнакомку.

– Мы принимаем карточки.

Если бы она начисто не утратила чувство юмора, то рассмеялась бы.

– Тогда как насчет спрайта?

Когда он принес напиток, она сказала:

– Я приехала к одному парню, но потеряла его адрес. Вы знаете человека по имени Панда?

Оторвавшись от стаканов, завсегдатаи подняли головы.

– Возможно, – ответил бармен. – А как вы с ним познакомились?

– Он... работал на одного из моих друзей.

– И что это была за работа?

В этот самый момент она обнаружила, что Вайпер чужды хорошие манеры.

– Так вы знаете его или нет?

Бармен пожал плечами.

– Видел его здесь пару раз. – Он отошел обслужить посетителя.

К счастью, двое мужчин постарше, сидевших у дальнего конца барной стойки, оказались более разговорчивы.

– Он появился здесь пару лет назад и купил старый дом Ремингтонов в бухте Гус-Коув, – сказал один из них. – Его сейчас нет на острове. Я точно знаю, что на самолете он не прилетал, а если бы приехал на пароме или чартерной лодке, кто-то из нас услышал бы об этом.

Наконец ей хоть немного повезло. Возможно, удастся найти ответы на свои вопросы, не встречаясь с ним.

Старик облокотился на барную стойку.

– Он не особенно словоохотлив. Скорее держится особняком. Никогда не слышал о том, чем он зарабатывает на жизнь.

– Да, он такой, – заметила Вайпер. – А Гус-Коув далеко отсюда?

– В длину остров всего-то десять миль, – ответил друг старика. – Здесь до любого места рукой подать, хотя до некоторых добраться сложнее.

Изложенный ими маршрут включал множество сбивающих с толку поворотов, ангар для хранения лодок, засохшее дерево и большой камень, на котором некто по имени Спайк нарисовал «пацифик» краской из баллончика. Через пятнадцать минут после выхода из бара Люси

безнадежно заблудилась. Она еще какое-то время ехала вперед, но в конце концов умудрилась вернуться на главную дорогу и притормозила у магазина для рыбаков, который как раз закрывался на ночь. Продавец дал очередные указания, которые ее еще больше запутали.

Уже смеркалось, когда она разглядела обшарпанный почтовый ящик с фамилией Ремингтон на деревянной табличке. Она съехала с дороги на подъездную аллею и припарковалась у гаража.

Большой необычной формы дом на берегу начал свою жизнь как строение в голландском колониальном стиле, но за долгие годы оброс разными пристройками, это были два крыльца, эркер и небольшое крыло. Обшарпанная черепица по цвету напоминала старое дерево, а из многоуровневой крыши выглядывали две одинаковые трубы. Люси не могла поверить, что этот дом принадлежит Панде. Это был дом для большой семьи, место, где загорелые дети гонялись бы за своими кузенами по пляжу, женщины – обменивались семейными слухами, а их мужья – жарили мясо на углях, старики – дремали в тени на крыльце, а собаки – нежились на солнышке. Панде подошел бы старый рыбацкий домик, а не такая громадина, как эта. Но адрес совпал, и местные жители называли фамилию Ремингтон.

Справа от гаража на две машины располагалась хлипкая входная дверь. На крыльце стоял потрескавшийся глиняный горшок с высохшей землей и красовался выцветший американский флаг, забытый здесь с Четвертого июля. Дверь была заперта. Она прошла по заросшей тропинке вокруг дома к воде и вдруг поняла, где сердце дома – это просторная застекленная веранда с выдававшимся вперед открытым настилом и рядами окон, выходящими на уединенную бухту, позади которой расстилалось гладью озеро Мичиган.

Люси еще раз обошла дом, надеясь понять, как попасть внутрь, но все двери и окна были заперты. По пути она видела пару гостиниц, мотелей и прочих мест, где можно отдохнуть и позавтракать, так что проблем с ночлегом не возникало. Однако сначала ей хотелось осмотреть дом изнутри.

Она просунула руку через дыру в окне веранды и открыла крючок, запиравший дверь. Доски заскрипели, когда она пробиралась между шезлонгами с заплесневелыми холщовыми подушками, которые когда-то были ярко-голубыми. Сломанное украшение, сделанное из ложек, которые должны были колыхаться и звенеть на ветру, перекосившись, висело в одном углу, в другом – стоял забытый всеми вентилятор. Дверь дома была заперта, но Вайпер это не остановило. Она разбила одно из маленьких стеклянных окошек ржавой садовой лопатой и открыла замок.

Затхлость закрытого помещения встретила ее, когда она ступила на порог старомодной кухни. Когда-то высокие деревянные шкафы кто-то опрометчиво покрасил в скучный зеленый. На дверцах и ящиках сохранились оригинальные ручки, явно оставшиеся с незапамятных времен. Исключительно уродливый псевдовикторианский стол стоял в уголке для завтрака, явно не вписываясь по размеру. На испещренной порезами ламинированной кухонной стойке расположились микроволновая печь, новая кофеварка, набор ножей и подставка, из которой торчали погнувшиеся лопатки для жарки и оплавившиеся пластиковые ложки. У раковины сидела керамическая свинья в форме французского официанта.

Люси включила свет и осмотрела лестницу. Далее, миновав гостиную, застекленную веранду, заглянула в душную комнату для отдыха и оказалась в большой спальне. Покрывало с бело-синими узорами лежало на двуспальной кровати с прикроватными столиками, напоминавшими катушки для кабеля. Еще в комнате были трельяж и два не сочетавшихся между собой мягких стула. На стене висели две репродукции Эндрю Уайета в дешевых рамах. В шкафу обнаружили ветровка, джинсы, кроссовки и кепка с логотипом «Детройт Лайонз». Судя по размерам, все вещи принадлежали Панде, но это едва ли могло служить достаточным доказательством того, что она вломилась в нужный дом.

Сообщающаяся со спальней ванная со старомодной плиткой цвета яйца малиновки и новой занавеской для душа не помогла пролить свет на историю дома. Поколебавшись, Люси открыла шкафчик с лекарствами. Зубная паста, зубная нить, «Адвил» и лезвия «Атра».

Она вернулась на кухню и изучила единственный предмет, который явно отличался от остальных, – современную немецкую кофеварку, как раз то, что должно быть в доме профессионального телохранителя, получающего большую зарплату и любящего кофе. Однако именно находка из холодильника убедила ее, что домом она не ошиблась. На почти пустой полке она обнаружила банку с апельсиновым джемом, таким же, какой Панда намазывал на ее булочки.

– Настоящие мужчины едят виноградное желе, – сказала она, когда увидела, как он взял такую же банку в бакалейном магазине у озера Каддо. – Я серьезно, Панда. Если покупаешь апельсиновый джем, то тебе надо сдать удостоверение личности мужчины.

– Мне так нравится. Тебе придется с этим смириться.

Еще в холодильнике были две упаковки колы по шесть штук в каждой. Никакого пива. Проезжая мило за милей, Люси все вспоминала то первое утро, когда проснулась в домике у озера и увидела груды пустых бутылок, которые Панда купил накануне вечером. Что за телохранитель стал бы пить спиртное на работе? Но как ни пыталась, она не могла вспомнить, чтобы видела, как он делал больше пары глотков. Потом она скрылась в зарослях, а когда вернулась, он уже допивал. Еще видела такую упаковку из шести бутылок в первую ночь в том мотеле. Но сколько пива он выпил? Не больше пары глотков. А что касается отпуска на озере Каддо... Он пил только колу.

Она посмотрела на лестницу, ведущую на второй этаж, но ей не хватило решительности на продолжение осмотра. Теперь уже совсем стемнело, а ей еще предстояло найти место для ночлега. Но Люси не испытывала желания куда-либо ехать. Ей хотелось уснуть прямо здесь, в большом страшном доме, хранившем воспоминания о летних месяцах прошлых лет.

Она вернулась в спальню на первом этаже. Уродливые вертикальные жалюзи прикрывали раздвижные двери, ведущие на открытую веранду, и единственным запором служила обрубленная ручка метлы, которая блокировала дверь. Покопавшись в комнате, она обнаружила стопку таких же боксерских трусов с заниженной талией, которые Панда покупал, когда они вместе ходили в магазин, а также плавки в черно-белую клетку. Она забрала вещи из машины, заперла входную дверь, чтобы в дом не забрели дикие звери, и устроилась на ночлег.

Во сне она слышала непонятные скрипы. Ближе к утру привиделся страшный сон, в котором она бегала по дому, где было множество комнат, но ни одного выхода. От этого она проснулась.

В комнате было прохладно, но футболка прилипла к телу. Ранним утром свет проник через вертикальные жалюзи. Она потянулась, потом выпрямилась в кровати, услышав шорох засова.

В дверь, которую она заперла накануне перед сном, вошел мальчик.

– Убирайся отсюда, – выдохнула она.

Похоже, он удивился ничуть не меньше, но оправился явно быстрее. Большие глаза сузились, и он принял воинственный вид, будто это она вломила в дом.

Она с трудом сглотнула. Села. Что, если в итоге она попала не в тот дом?

На нем были мешковатые и не особенно чистые серые спортивные шорты, ярко-желтая футболка с изображением электрогитары и стоптанные кроссовки без носков. Он был афроамериканцем, но кожа оказалась на пару тонов светлее, чем у ее брата Андре. Лет одиннадцати на вид, он был маленький и костлявый, с короткими пушистыми волосами, узловатыми коленями, длинными руками и агрессивным выражением лица, будто затаил обиду на весь мир. Быть может, образ и удался бы, если бы этот воинственный вид не диссонировал с его прекрасными золотисто-кариими глазами в окружении густых ресниц.

– Вас не должно тут быть, – заявил он, выставив вперед подбородок.

Она быстро нашлась:

– Панда разрешил мне здесь переночевать.

– Только бабушке он ничего об этом не сказал.

Значит, это все-таки тот самый дом. Хотя умом она понимала, что пора прийти в себя, в глубине души еще дрожала от страха.

– О тебе он тоже ни слова не сказал, – заметила Люси. – Ты кто?

Но даже когда задавала вопрос, подозревала, что знает ответ. Это ребенок Панды. И красивая беременная афроамериканская жена Панды сейчас суетится на кухне, подготавливая дом к приезду всей семьи на лето, как и каждый год. А теща складывает в холодильник продукты, которые они купили по пути. И все это означает, что Люси, которая дважды получала награды за безупречное поведение в старших классах школы и была президентом студенческого сообщества на последних курсах университета, стала участницей адюльтера.

– Я Тоби, – почти выплюнул он. – А ты кто?

Ей пришлось поинтересоваться:

– Ты сын Панды?

– Да, точно. Ты совсем его не знаешь, правда? Ты какая-то наркоманка с материка и вломилась сюда, потому что тебе было страшно спать на пляже.

Его выпад принес ей облегчение.

– Я не наркоманка, – сказала она. – Меня зовут... меня зовут Вайпер. – Слово слетело с губ и мелодично прозвенело в голове. Она хотела произнести его снова. Вместо этого свесила ноги с кровати и бросила взгляд на дверь.

– Почему ты вломился ко мне?

– Дверь не должна быть заперта. – Он почесал икру мыском другой ноги. – Моя бабушка присматривает за этим домом. Она увидела машину и отправила меня посмотреть, кто здесь.

Она не стала заострять внимание на том, что «бабушка» присматривала за домом хуже некуда. Судя по тому, что она видела, полы подметались только в центре комнат, а пыль вытирали лишь с нескольких столов.

– Подожди на кухне, Тоби. Там и поговорим. – Она поправила пижамные шорты и встала.

– Я вызову полицию.

– Вперед, – выпалила она. – Я позвоню Панде и расскажу, что десятилетний мальчик вломился к нему в спальню.

Его золотисто-карие глаза вспыхнули от возмущения.

– Мне не десять! Мне двенадцать.

– Ошибочка вышла.

Он метнул на нее злобный взгляд и лениво вышел из комнаты, прежде чем Люси попыталась вызнать настоящее имя Панды. К тому времени как она добралась до кухни, он исчез.

В спальне второго этажа были покатые потолки, мебель из разных гарнитуров и куча старых занавесок. Огромная общая спальня занимала весь этаж. Пробивавшиеся сквозь пыльные окна солнечные лучи падали на четыре двухъярусные кровати с тонкими полосатыми матрасами, скатанными в валики. В трещинах некоторых половиц до сих пор остался песок со времени давно забытых летних канукул, и она представила мокрые купальники, лежавшие на полу там, где их бросили. Казалось, дом ждет, когда Ремингтоны вернуться, оставив Гранд-Рэпидс, или Чикаго, или другое место, откуда они родом. Что овладело Пандой, когда он принял решение купить такой дом? И что овладело ею, когда она захотела здесь остаться?

Она вынесла кофе, приготовленный в его новомодной кофе-машине, в задний дворик. Утро выдалось солнечным, на небе не было ни облачка. Прозрачный воздух навевал воспоминания о прекрасных утренних посиделках в Кэмп-Дэвиде, о сестрах, бегавших друг за другом по каменной плитке вокруг бассейна в отеле «Аспен Лодж», о сборах родителей в пеший

поход. Здесь растрескавшийся столик для пикника стоял в тени старого дуба, а металлический колышек только и ждал, когда на него начнут набрасывать подковы⁸. Она обхватила кружку с кофе и вдохнула свежий озерный воздух.

Дом располагался на утесе, с которого хлипкая деревянная лестница спускалась к старому лодочному сараю и доку – обе конструкции с годами приобрели светло-серый оттенок. Она не видела ни других доков у скалистой, поросшей деревьями береговой линии, ни крыш других домов, выглядывавших сквозь заросли. Похоже, дом Ремингтонов был единственным в бухте Гус-Коув.

Вода в бухте отражала целую палитру цветов: темно-синяя на глубине, серо-голубая – там, где помельче, с прожилками коричневого у берега и близ песочного пляжа. Там, где бухта выходила в озеро Мичиган, утреннее солнце посыпало дрожащую поверхность воды серебряными блестками.

При виде двух парусных шлюпок Люси вспомнила о дедушке, который любил плавать под парусом, и ощутила укол совести. Она понимала, что больше нельзя это откладывать. Она отставила кружку с кофе, потянулась за мобильным и наконец набрала его номер.

Даже до того, как услышала аристократический голос Джеймса Личфилда, она точно знала, что скажет бывший вице-президент Соединенных Штатов.

– Люсиль, я не одобряю твой поступок. Категорически не одобряю.

– Удивительно.

– Ты же знаешь, я презираю сарказм.

Она потянула за оранжевый дред, болтающийся около уха.

– Это было ужасно?

– Это неприятно, но Мэтту, похоже, удалось взять прессу под контроль. – Его голос зазвучал еще холоднее. – И, я полагаю, ты звонишь, потому что хочешь, чтобы я как-то помог и поддержал тебя.

– Держу пари, ты не отказал бы, если бы я попросила. – Ее глаза болели.

– Ты так похожа на мать.

Он не сказал, считать ли это комплиментом, но она все равно его поблагодарила. И потом, прежде чем дед успел приступить к допросу, она подметила то, что знали они оба.

– Побег помог Нили стать лучше. Уверена, меня ждет то же самое.

– Ни в чем таком ты не можешь быть уверена, – рявкнул Джеймс Лигфилд. – Ты просто не знаешь, что делать, и не хочешь отвечать за последствия своего поступка.

– И это тоже. – Ему Люси подтвердила то, что не в силах была сказать родителям. – Я бросила идеального мужчину и даже не знаю почему.

– Не сомневаюсь, у тебя были на то причины, жаль только, ты не сделала это до появления в Техасе. Ты же знаешь, как я ненавижу этот штат.

– Только потому, что ты не мог этого вынести. Со дня выборов прошло уже почти тридцать лет. Быть может, пора это пережить?

Старик зафыркал, потом поинтересовался:

– И насколько затянется твой отпуск?

– Не знаю. Может, на неделю. А может, и больше.

– Уверен, ты не скажешь мне, где ты.

– Если бы сказала, тебе, вероятно, пришлось бы это скрывать. А ты не особенно умеешь врать, так зачем ставить тебя в неудобное положение?

– Ты вопиюще невежливый ребенок.

Люси улыбнулась.

⁸ Имеется в виду игра в подковы, в ходе которой игроки пытаются набросить подковы на колышек.

– Я знаю. Я тоже люблю тебя, деда. – Он ненавидел, когда она называла его «деда», но таким образом она отплатила ему за «Люсиль». – Я гощу у подруги на одном острове на Великих озерах, – сказала она. – Но ты, вероятно, и так это знаешь. – А если и не знал, то скоро узнает, ведь она расплатилась за арендованную машину кредиткой, а ее любящие родители уж точно следили за этим.

– Так в чем именно цель этого звонка?

– В том, чтобы сказать... прости, что разочаровала тебя. И попросить быть добрее с мамой. Она сильно переживает из-за этого.

– Я не нуждаюсь в поучениях внучки на тему того, как вести себя с дочерью.

– Не совсем так.

Далее последовала суровая лекция об уважении, честности и ответственности, которые должны воспитывать в себе те, кому многое дается. Вместо того чтобы слушать, Люси принялась прокручивать в голове разговор с матерью, который состоялся пару месяцев назад.

– Знаешь, я даже завидую вашим отношениям, – сказала Нили.

Люси выглянула из-за куска пирога с кокосовым кремом, который они поедали в любимом ресторане в Джорджтауне.

– Он был для тебя ужасным отцом.

– И его вряд ли можно назвать лучшим дедушкой на свете. Если не считать того, как он относится к тебе.

И это была правда. Братья и сестры Люси всеми силами избегали общения с ним, зато с Люси у них все заладилось с самого начала, хотя она наговорила лишнего и нагрубила ему при первой встрече. Возможно, как раз из-за этого так все и сложилось.

– Он любит меня, – сказала она. – И тебя тоже любит.

– Знаю, что любит, – ответила Нили. – Но у меня никогда, никогда не будет с ним таких хороших отношений, как у тебя.

– Тебе в самом деле это не нравится?

Она вспомнила, как улыбнулась Нили.

– Нет, как раз наоборот. Ты нужна старому скряге не меньше, чем он тебе.

Люси сомневалась, что понимает, что именно мать под этим подразумевала.

Когда дед наконец закончил читать нравоучения, она сказала ему, как сильно его любит, напомнила, чтобы он питался как следует, и попросила сильно не ворчать на Трейси.

Он посоветовал ей заняться собственными делами.

Повесив трубку, она вылила остатки кофе в траву и встала. Как раз когда собиралась вернуться в дом, она услышала странный звук. Его явно произвел человек. Это был звук, который раздается, когда кто-то крадется, стараясь себя не выдать. Он донесся из зарослей на северной кромке газона, где начинался лес. Повернувшись, она увидела, как в деревьях промелькнула кислотно-желтая футболка, а потом растаяла среди сосен.

Тоби следил за ней.

Глава 7

Тоби пронесся сквозь лес, свернув налево у большого дерева с обрубленной верхушкой, пролетел мимо гигантского валуна, перепрыгнул через ствол красного дуба, упавшего прошлым летом во время грозы. Наконец добрался до тропинки, ведущей к одноэтажному дому. Хотя он и был меньше, чем большинство ребят его возраста, но бегал быстрее, чем любой из них.

Мальчик замедлил бег, когда на горизонте показался дом. Женщина сидела на крыльце и курила очередную сигарету, пристально всматриваясь во двор, как и две недели назад. Не то чтобы ей было за чем наблюдать. Двор переходил в овраг и, если не считать помидоров и перцев, которые посадил мистер Уэнтсел, участок бабушки представлял собой поляну, покрытую сорняками. За ульями росли несколько яблонь и грушевых деревьев, но они были не так хороши, как вишни в саду мистера Уэнтсела.

Женщина выпустила целую струю дыма, но даже не заметила, что он вернулся. Возможно, подумала, что если не посмотрит на мальчика, то он исчезнет. Но это ей следовало исчезнуть. Он пожалел, что Элли и Этана Бейнеров нет дома, иначе он мог бы отправиться к ним. Они были его лучшими друзьями, вернее, его единственными друзьями. Но на лето они уехали в Огайо, потому что родители находились на грани развода.

Она стряхнула пепел в розовые кусты бабушки.

– Дождь собирается, – сказала она. – Пчелы летят в улей.

Тоби с тревогой посмотрел на пчел. Пятнадцать ульев стояло на краю двора недалеко от границы с фруктовым садом мистера Уэнтсела. Бабушка любила пчел, но Тоби ненавидел, когда его кусали, поэтому старался держаться от них подальше. Сначала, когда бабушка заболела, мистер Уэнтсел заботился о пчелах, но потом, когда он тоже заболел, ему пришлось уехать в дом престарелых на материк. Теперь за фруктовым садом присматривал его сын, а он даже не жил на острове, а только нанимал людей, которые следили за фруктами. Никто не проверял пчел, с тех пор как уехал мистер Уэнтсел, а ведь если пчел становилось слишком много, они начинали летать целым роем. Тоби и думать об этом не хотел.

На самом деле о многом другом ему тоже думать не хотелось.

Дама скрестила ноги и затянулась сигаретой, задержав воздух в легких, как будто не знала, насколько это вредно. Высокая, с длинными рыжими волосами, она отличалась исключительной худобой, а кости ее выпирали настолько, что казалось, будто они вот-вот уколют любого, кто подойдет к ней близко. Она не спросила его, где он был. Вероятно, даже не заметила, что он уходил. Тоби был похож на бабушку. Он ненавидел, когда вокруг околачивались незнакомцы. А теперь еще и в доме Ремингтонов появилась новая дамочка. Сказала, что ее зовут Вайпер. Он сомневался, что это настоящее имя, хоть и не знал наверняка.

Все утро он шпионил за домом Ремингтонов на тот случай, если Панда, хозяин дома, тоже появится. Тоби никогда не встречался с Пандой, но точно знал: он прекратит отправлять деньги, если узнает, что за домом присматривает Тоби, с тех пор как в январе бабушка заболела. Тоби нуждался в этих деньгах, иначе не сбыться его мечтам о жизни здесь в полном одиночестве. В последний раз Панда был в городке два месяца назад, и бабушке он так и не пожаловался, поэтому мальчик пришел к выводу, что более или менее справляется с уборкой.

Женщина затушила сигарету о блюдце, которое оставила на крыльце.

– Хочешь, приготовлю что-нибудь поесть?

– Я типа не голоден. – Бабушка не разрешала ему говорить «типа», но бабушки больше не было, а он хотел, чтобы эта дама поняла: он может позаботиться о себе сам. Тогда она скорее ретировалась бы и оставила его в покое.

Она вытянула ноги и почесала колено. Даже для белой леди ее кожа была слишком белой, а руки пестрили веснушками. На самом деле он не верил, что она умеет готовить. Ведь с тех пор как приехала, она только подогревала еду, которую бабушка оставила в большом морозильнике. Можно подумать, он сам не мог бы этого делать.

Наконец она посмотрела на мальчика, но выглядело это так, будто на самом деле ей не хотелось его видеть.

– Я не хочу задерживаться, если мое присутствие тебе в тягость. – Ее голос звучал так, будто она действительно устала, но он не понимал, откуда могла взяться усталость, ведь она ничего не делала.

– Тогда почему бы вам не уехать? – поинтересовался он.

– Потому что твоя бабушка оставила мне этот дом и назначила твоим опекуном, и я пока не придумала, как поступить.

– Вам не обязательно что-то придумывать. Можете ехать. Я могу о себе позаботиться.

Она взяла пачку сигарет и уставилась на улей. Возникло впечатление, как будто она потеряла к происходящему интерес.

Мальчик протопал мимо нее по выложенной плитками тропинке вокруг дома. Почему она не хотела уезжать? Он мог бы сам собираться в школу, и готовить еду, и стирать одежду, и делать всю прочую ерунду. Разве он не делал все это с тех самых пор, как бабушка заболела? Даже те несколько недель, которые он провел с мистером Уэнтселом после похорон, ему приходилось кое-чем заниматься. Бабушка верила, что не стоит общаться абы с кем, поэтому у нее не было друзей, кроме мистера Уэнтсела и Большого Майка, который иногда возил ее к доктору. Все остальное брал на себя Тоби.

Он подошел к фасаду дома. Они с бабушкой покрасили его летом три года назад в цвет яйца малиновки со светло-серым обрамлением. Бабушка хотела покрасить в фиолетовый, но он отговорил. Теперь жалел, что не позволил ей выбрать цвет, который она хотела. Как и жалел, что огрызнулся и упрекал за то, что она не купила ему новую игровую приставку. Ему было стыдно и за другие проступки.

Он схватился за нижнюю ветку самого большого дерева во дворе – клена, который, по словам бабушки, был старше его. Забираясь наверх, он оцарапал колено о кору, но не остановился, ибо чем выше оказывался, тем больше отдалялся от рыжей дамочки, и от пчел, и от мыслей о девчонке в доме Ремингтонов. И тем ближе он подбирался к бабушке и папе на небесах. И к маме тоже, но она покинула его еще в младенчестве, и он почти не думал о ней. Бабушка говорила, что любила свою дочь, хоть и считала никчемной.

Бабушка и мать были белыми, а Тоби – черным, как и его отец. И как бы ни скучал по бабушке, в это мгновение ему больше не хватало отца. Ему было четыре, когда отец умер. Он был промышленным альпинистом, обслуживавшим мачты сотовой связи, – самая опасная работа в мире, это все знают. И погиб, спасая одного парня, застрявшего на огромной мачте у Траверс-Бей. Это случилось зимой, когда температура упала на пару градусов ниже нуля и свирепствовала вьюга. Тоби готов был пожертвовать чем угодно, даже рукой или ногой, если бы это могло вернуть его отца.

Люси обнаружила в гараже дорогой горный велосипед и новомодный каяк в лодочном сарае. И велосипед, и каяк были слишком новыми, так что точно не могли остаться от Ремингтонов. Обнаружив, что поездка в город не так страшна, как показалось в первый вечер, когда она заплутала в незнакомых улицах, она поехала в магазин на велосипеде, а покупки сложила в рюкзак. На Черити-Айленд привыкли ко всякому, и ее оранжевые дреды, кольцо в носу и армейские ботинки особого внимания не привлекали.

Через пару дней она отправилась на пароме на материк, чтобы избавиться от арендованной машины. Там приобрела еще несколько вещей для своего гардероба и сделала пару сумасшедших временных татуировок.

К концу первой недели, которую прожила в доме, она до блеска отмыла кухню. Чем чаще она туда заходила, тем больше ненавидела большой стол. Он был не только уродлив и слишком велик для отведенной под него ниши, но и раздражал своим отвратительным мятым цветом, который должен был сочетаться с цветом стен, но не сочетался. И даже испекла пару булочек.

Если не считать того, что несколько раз она замечала двенадцатилетнего шпиона среди деревьев, ей ничего не мешало. Наступил идеальный момент начать работу над писательским проектом для книги ее отца. Люси в любом случае не планировала возобновлять лоббистскую деятельность до сентября, хотя изначально рассчитывала вернуться к ней по окончании медового месяца. Мэтт утверждал, что сыт по горло версиями других людей о судьбе Нили. Он считал, что будущие поколения заслуживают того, чтобы услышать правдивую историю о первом президенте-женщине.

Ее отец был опытным журналистом и изначально собирался написать книгу сам, но, поработав над ней пару месяцев, решил, что одной точки зрения недостаточно. Он хотел представить происходящее в нескольких ракурсах, осветив разные аспекты жизни Нили, поэтому один раздел попросил написать отца Нили, а другой – Терри Аккермана, ее давнего помощника. Но больше всего его интересовала точка зрения Люси. Она лично видела, как Нили баллотировалась сначала в сенаторы, а потом в президенты, а еще могла рассказать о том, какой матерью была Нили. Люси ухватила за эту возможность, но пока не написала ни слова. И хотя у нее еще оставалось время, лучше всего было бы начать прямо сейчас.

В комнате для отдыха она нашла ноутбук, на котором была стерта вся личная информация. И, закончив завтрак, вынесла его на крыльцо. Устраиваясь в одном из шезлонгов, который накрыла пляжным полотенцем, она изучила татуировку с шипами и каплями крови, украшавшую ее бицепс. Картина отличалась исключительной пошлостью, но все равно ей нравилась, а может, нравилась мысль о том, что она выставляет напоказ нечто подобное, пусть на какое-то время. На упаковке говорилось, что тату может продержаться до двух недель, но Люси купила еще несколько запасных, с другими узорами, которые, возможно, использует, а возможно, и нет.

Она отвела глаза от окровавленных шипов и подумала, что хотела написать. Наконец опустила пальцы на клавиши.

«Когда моя мать была президентом...»

Стрекотание белки на дереве ее отвлекло. Она вернулась к компьютеру.

«Когда моя мать была президентом, каждый ее рабочий день начинался на беговой дорожке еще до шести утра...»

Люси ненавидела беговые дорожки. Она охотнее прогулялась бы под дождем и снегом, чем по механической дорожке.

«Моя мать верила в пользу физических нагрузок».

Как и Люси, что, однако, не означало, что они ей нравились. Фокус был в том, чтобы выбрать для себя такой вид спорта, который бы не раздражал.

«Программу для нее разработал тренер, но в спортзале мама обычно занималась наедине с отцом».

Люси и спортзалы не любила.

«Обычно они начинали занятия с несложных растяжек, а потом...»

Она нахмурилась. Кто угодно мог написать столь скучные фразы. Мэтт хотел чего-то более личного, но это было не то.

Люси удалила файл и выключила компьютер. Как бы там ни было, утро выдалось необычайно прекрасным, чтобы что-то писать. Она схватила бейсбольную кепку и спустилась по

шатким деревянным ступенькам к доку. Спасательный жилет в каяке оказался слишком велик, но она потуже затянула его и поставила лодку на воду.

Даже скользя на каяке вдоль скалистого берега Гус-Коув, она с трудом верила, что застряла на этом острове. Она приехала сюда в надежде открыть секреты человека, которого наняли родители ради ее же безопасности. Но в доме никаких ключей к разгадке не оказалось, так почему она еще здесь?

Потому что ей не хотелось уезжать.

Ветер задул в лицо, когда она выбралась на открытую воду, и она направила лодку в самые бурные волны. На мгновение Люси расслабила руки, потеряла татуировку с окровавленными шипами. Она больше не знала, кто она такая. Жертва тяжелого детства? Сирота, которая взяла на себя ответственность за младшую сестру? Звездный ребенок, попавший в знаменитую американскую семью? Она была образцовой студенткой, самоотверженным социальным работником и состоявшимся лоббистом. Она собрала много денег на благие дела и способствовала одобрению законов, которые позволили улучшить жизнь многим людям. Не важно, что она разлюбила эту работу. А недавно она еще выступила и в качестве ненормальной невесты и бросила человека, которому было предназначено стать любовью всей ее жизни.

Разрываясь между работой, семьей и подготовкой к свадьбе, она была слишком загружена чтобы заняться самоанализом. Теперь, когда она задумалась о происшедшем, собственные мысли расстроили ее, и Люси направилась обратно к дому. Она гребла против течения, поэтому приходилось прилагать больше усилий, но это нравилось. Она добралась до спокойной воды и остановилась, чтобы отдохнуть. Тогда-то она и увидела одинокий силуэт у дока.

Разглядеть лицо она не могла, но узнала бы эту фигуру где угодно. Широкие плечи и узкие губы. Длинные ноги, готовые пуститься в бег, волосы, развевающиеся вокруг головы.

Ее сердце бешено заколотилось. Она потянула время, изучая брововую плотину, а потом обогнула дерево, упавшее в воду. Стараясь действовать как можно медленнее. Собираясь с духом.

Ему не следовало целовать ее в аэропорту Мемфиса. И не следовало так смотреть на нее. Если бы он не поцеловал ее и не одарил взглядом, отражавшим все обуревавшие его чувства, она вернулась бы в Вашингтон к своей работе и он остался бы в ее памяти как мужчина на одну ночь.

Чем ближе Люси подплывала, тем больше злилась, причем не только на него, но и на себя. Что, если Панда подумает, что она преследует его? Это было совсем не так, хоть и выглядело похоже.

Она подвела каяк к доку. Пришвартоваться к скалистому берегу было сложно, поэтому при хорошей погоде она привязывала лодку к лестнице. Но сейчас не стала этого делать. Вместо этого свободно – даже слишком свободно – закрепила каяк у шеста у края дока. Наконец она подняла на него глаза.

Панда навис над ней в своей обычной экипировке: джинсы и футболка, на этот раз с выцветшей эмблемой полицейского участка Детройта. Она оглядела эти высокие скулы, мужественный нос, тонкие губы садиста и голубые глаза с острым, как лазер, взглядом. Он сердито смотрел на нее.

– Что, черт возьми, случилось, с твоими волосами? И что ты делаешь на озере? Кто, как ты думаешь, бросился бы тебя спасать, если бы ты начала тонуть?

– Твои две недели истекли, – выпалила Люси. – Так что не твое дело. И я была бы тебе признательна, если бы ты помог подняться на док. У меня судорога.

Он должен был это предвидеть. Но он знал Люси, не Вайпер. Он подошел к краю дока, как агнец на заклание, и потянулся к ней. Она схватила его за запястье, собралась и изо всех сил резко и внезапно потянула вниз.

Тупица. Он тут же погрузился в воду. Она оказалась там же, но ей было все равно. Она хотела лишь увидеть, как он выкрутится из ситуации.

Отплываваясь и изрыгая проклятия, Панда вышел из ледяной воды с мокрыми и растрепанными волосами. Не хватало только кинжала в зубах. Она откинула с лица волосы, с которых текла вода, и прокричала:

– Я думала, ты не умеешь плавать.

– Я научился, – прокричал он в ответ.

Она отплыла от каяка, спасательный жилет надулся под подмышками.

– Ты придурок, тебе об этом известно? Лживый придурок, который гребет деньги лопатой.

– Заканчивай. – Он поплыл к лестнице мощными, затыжными рывками.

Она поплыла за ним, барахтаясь в воде от злости.

– И ты первоклассный... – Вайпер подбирала нужное слово. – Осел!

Он бросил на нее взгляд, потом поднялся по лестнице.

– Что-нибудь еще?

Она схватилась за нижнюю перекладину. Вода еще хранила весеннюю прохладу, и ее зубы стучали так сильно, что становилось больно.

– Лжец, обманщик и... – Она замолчала, увидев на его теле выпуклость. Именно там, где и ожидала увидеть. Она поднялась по лестнице за ним.

– Надеюсь, этот пистолет водонепроницаемый. Нет? Жаль, конечно.

Он сел на док и закатал правую штанину, обнажив черную кожаную кобуру на лодыжке, которая объясняла, почему он отказывался носить шорты на озере Каддо и плавать. Он вытащил пистолет и достал магазин.

– Вновь вызвали на дежурство? – Люси пыталась убрать с глаз намокшие крашенные волосы, но мешали дреды. – Мои родители продлили твой контракт?

– Если тебя что-то не устраивает, разбирайся со своей семьей, а не со мной. Я только выполнял свою работу. – Он вытряхнул пули на ладонь.

– Они снова тебя наняли. Вот почему ты здесь.

– Нет. Я здесь, потому что услышал, что кто-то поселился в моем доме. Кто-нибудь говорил тебе, что взлом и вторжение на частную территорию – это преступление? – Он подул в пистолет.

Она продолжала бушевать.

– А кто-нибудь тебе говорил, что телохранители должны как-то представляться?

– Я уже сказал: разбирайся со своей семьей.

Она бросила взгляд на его макушку. Волосы уже начинали завиваться. Эти неукротимые кудри. Густые и зловещие. У какого человека могут быть такие волосы? Она принялась возиться с пряжками на спасательном жилете, но так сильно злилась, что с трудом расстегнула их. Она проделала весь этот путь из-за поцелуя, который, как вообразила, что-то значил. И отчасти оказалась права. Это означало, что она сошла с ума. Она сорвала жилет.

– Так вот чем ты будешь прикрываться, не правда ли? Ты только делал свою работу.

– Поверь мне. Это было нелегко. – Он прекратил продувать пистолет и оглядел ее прическу и татуировку с окровавленными шипами.

– Надеюсь, это не навсегда. Ты выглядишь странно.

«Да пошел ты, – сказала бы Вайпер. – Иди к черту!» Но Люси такие слова произнести не могла.

– Уверена, тебе понравился маленький бонус, который ты получил в конце. Рассказы о том, как ты переспал с дочкой президента, сделали тебя звездой раздевалки для телохранителей.

Теперь Панда разозлился почти так же, как и она.

– Ты действительно так думаешь?

«Я думаю, что окончательно распрощалась с чувством собственного достоинства, когда приехала сюда».

– Я думаю, что ты профессионал и должен был вести себя соответственно. То есть сказать, кто ты. И, что еще важнее, держать руки при себе.

Он вскочил.

– И мне это отлично удавалось! Все эти дни, которые мы провели в этой дерьмовой дыре на озере Каддо. Мы постоянно сталкивались. Ты бегала, обернувшись куском черного эластича, который называла купальником, в розовом топе – через него даже слабовидящий мог тебя разглядеть. И тогда я держал руки при себе.

Ей удалось пробить его броню и хоть немного потешить уязвленное самолюбие.

– Ты знал обо мне все, Панда. Или как там тебя зовут. У тебя было на меня целое досье, но ты не раскрыл ни одного правдивого факта о себе. Ты держал меня за идиотку.

– Я тебя ни за кого не держал. То, что произошло той ночью, не имело никакого отношения к работе. Мы были людьми, которые захотели друг друга. Вот так все просто.

Но для нее все было не так просто. Если бы все было просто, она не приехала бы сюда.

– Я выполнил свою работу, – произнес он. – Никаких объяснений я давать не должен.

Ей нужно было узнать, спросить... И Вайпер изобразила ухмылку, пытаясь скрыть, насколько важен для нее этот вопрос.

– В твои обязанности входил этот жалкий, призванный загладить вину поцелуй в аэропорту?

– О чем ты говоришь?

Его смятение еще немного повысило ее самооценку.

– Этот поцелуй был пропитан укусами совести, – заявила она. – Ты жаждал отпущения грехов, потому что прекрасно сознавал, насколько гнусен.

Он стоял перед ней с каменным лицом.

– Если ты видишь это так, то я не собираюсь тебя переубеждать.

Люси хотела, чтобы он ее переубедил. Если бы он что-то сказал, это помогло бы ей иначе посмотреть на то, что произошло с тех пор, как она запрыгнула на его мотоцикл. Но Панда молчал, а если бы она сама сказала больше, то выглядела бы еще более жалко.

Он не пытался задержать ее, когда она уходила с дока. Она остановилась у уличного душа. Прямо в одежде вымыла шампунем голову, потом обернулась пляжным полотенцем и вошла в дом. Она оставила цепочки мокрых следов на кухонном полу. Она закрыла замок на двери спальни, сорвала мокрую одежду и натянула черную майку, пышную зеленую юбку с поясом из кожи и армейские ботинки. Еще пару минут потратила на то, чтобы подвести глаза черным и накрасить губы коричневой помадой, а потом вставила в нос кольцо. Потом напихала как можно больше вещей в рюкзак. Паром отправлялся через полчаса. Настало время ехать домой.

Темно-серый внедорожник последней модели с номерами штата Иллинойс стоял на подъездной аллее. Странно представлять его за рулем машины. Она села на велосипед и отправилась в город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.